

Матьяна Алюшина

Девушка-праздник

Татьяна Александровна Алюшина
Девушка-праздник
Серия «Еще раз про любовь»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19138488
Девушка-праздник: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-88864-1

Аннотация

Даша Васнецова бросает стабильную работу в офисе, чтобы поменять ее на беспокойную и полную не всегда приятных сюрпризов долю организатора праздников. И жизнь ее тут же меняется, тем более что судьба, как нарочно, сталкивает девушку с бизнесменом, владельцем крупного агрокомплекса Игорем Власовым. Их тянет друг к другу, однако оба еще не готовы сделать серьезный шаг... До тех самых пор, пока не происходит катастрофа.

Ранее роман выходил под названием «На грани счастья»

Татьяна Алюшина

Девушка-праздник

© Алюшина Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Ну нет, дорогая! – заявил Гришка и, ухватив Дарью за руку, выдернул ее с начальственного места. – Раз уж я пропустил все самое интересное, сядешь со мной, учиню тебе допрос с пристрастием!

– И кто виноват, что ты всегда «приходишь, когда разгар событий позади»? – посмеиваясь, процитировала она его же любимую фразу и включила начальницу: – А кстати, почему мы тебя ждали? Ты где задержался-то, конь наш вороной? Не по амурным ли делам?

– Об этом позже! – подражая актеру Буркову из известного фильма наклоном головы, серьезным выражением лица и отсекающим жестом руки, отложил вопрос о причинах своего опоздания Гришка.

И, не выпуская ее руки, двинулся к задним сиденьям автобуса, но был остановлен Эллочкой, ухватившей начальницу за свободную руку.

– Нам тоже интересно! – возмутилась Эллочка и потребо-

вала: – Пусть она здесь сидит и всем рассказывает!

– А я буду громко ее пытаться! – пообещал Гришка, состроив инквизиторскую мину, чмокнул Эллочку в нос, высвобождая из ее цепких лапок «подследственную».

Эллочка поборолась для виду, но сдалась, как и следовало ожидать. Одержав викторию в баталии за эксклюзивное внимание любимой руководительницы, Гришка продолжил целеустремленное движение по проходу, таща Дарью за собой, к месту своей обычной дислокации в автобусе – на последнее двойное сиденье.

Небрежно кинул ноутбук на задний, четырехместный ряд сидений. На аккуратно сложенный, мягкий, – заметьте! – мягкий реквизит, позволявший расчетливую демонстрацию такого небрежения к обожаемому и всячески оберегаемому предмету производства и, собственно, всей жизни. Чуть отеснив Дарью, Григорий Комаров лихо скакнул на облюбованное место у окна, картинным, нарочитым жестом указав ей на сиденье рядом.

Дарья с сомнением посмотрела на предложенный «пыточный стул», повернулась к салону и с тем же сомнением посмотрела на свою команду.

Народ в последней стадии разбираемого любопытства замер, готовый внимать «чистосердечке». Аж повыворачивались все со своих мест, Ленка с Ирой так вообще встали на сиденьях на колени, высунув любопытные головушки над спинками кресел.

– Ладно, Малюта! – сдалась с театральным вздохом смирения Дарья. – Чини свой допрос, изувер!

Гришка в предчувствии интриги развернулся спиной к окну, дождался, когда Дарья сядет, и с улыбкой кота, интересующегося у пойманной мышки: «Жить хочешь?», нежненько так спросил:

– Ну что, Дарь Васильна, согрешила?

И Дашка, собравшаяся было подыграть, сценически вздохнула, изобразила покаяние мимикой, подняла голову и посмотрела не на Гришку, а дальше, поверх его плеча в окно, к которому он привалился спиной.

Вот почему?! Должна же была в глаза парню посмотреть, подыгрывая...

То ли щелкнуло что-то в голове, то ли боковым зрением уловила некое странное, нелогичное движение в этот момент – бог знает!

Она единственная в эти последние четыре секунды смотрела за окно на перекресток, который они проезжали! Остальные глазели на них с Гришкой!

Даже водитель Михалыч, хоть и не сводил взгляда с дороги, внимательно слушал, что происходит в салоне, периодически многозначительно хмыкая и качая головой из стороны в сторону, не отставая от коллектива, – веселился!

А Дашка глядела в окно!

Единственная из всех видела летящую на них смерть!

И что-то случилось в этот момент с ее сознанием, оно

словно включило неведомые резервные механизмы, вытворяя невыдуманные штуки... Движение вокруг нее как бы замедлилось, растянувшись во времени, как муха, залипшая в меду, еле барахтающаяся в последней тщетной надежде спастись.

И окружающее пространство стало внезапно ярким, четким до самой миллиметровой детали, как выхваченное мощным прожектором. Находившиеся в автобусе люди, выражение их лиц, детали одежды, даже обивка кресел казались насыщенной, как на проявившейся картинке, и грузовик за окном, несущийся наперерез их автобусу, его цвет, номер и лежащая на руле голова водителя, поблескивающая вспотевшей лысиной в обрамлении коротких седых волос, мотыляющаяся от движения в разные стороны. И пляшущие в солнечном луче пылинки рядом с улыбающимся лицом Гришки...

И только мысли не попали в эту тягучую медовость, проносясь в голове с обычной скоростью, но тоже как-то странно – пучком, по несколько сразу.

«Мы не успеем!!» – констатировало Дашкино сознание.

И чей-то незнакомый металлический голос, как метроном в ее голове, вдруг начал отсчитывать секунды:

«Раз...»

«Нет, господи, нет!!»

«Два...»

«Я не хочу!!!»

«Три...»

В последний момент отсчитываемого междусекундья Дашка успела рвануть на себя Гришку от стекла, от смерти, летевшей на них, и обхватить его голову рукой!

«Четыре!!!»

Ее и Гришку, которого она неосознанно сильно прижимала к себе, отбросило к правой стороне автобуса, и в дробленные мгновения этого полета Дарья слышала жуткий грохот корежащегося металла, звон бьющегося стекла, крики людей и успела подумать: «Ты ошибся, не судьба!»

И почувствовала чудовищную, какую-то нечеловеческую боль сразу в нескольких местах тела, сопровождаемую колокольным звоном в голове от удара. И провалилась в темноту.

– Дашка!!!

Откуда-то сбоку продирался, прорывался в темноту, где она находилась, чей-то голос.

Он был здесь инородным, отвергаемым самой сущностью черноты, но, разрывая в клочья от самой границы тьму-тьмущую, настаивал:

– Даша!!!

...И-и-и-и – хлоп! Включилось сознание.

«Да, да. Я здесь», – мысленно ответила она этому зовущему голосу.

И попыталась открыть глаза.

И следом за вернувшимся сознанием ее догнали шаставшие где-то до сих пор ощущения, чувства, жизнь.

И запах! И вкус!

Она почему-то никак не могла разлепить веки, что-то теплое, вязкое мешало им открыться, это первое, что ощутила Дашка, а следом хлынули всем скопом, как из прорвавшейся трубы, иные чувства.

Запах, такой странный, перенасыщенный. И металлический вкус во рту. И что-то теплое, тягучее текло ей на лицо.

Дашка сильно зажмурилась и попыталась открыть глаза еще раз, получилась лишь слабая щелочка света, она повторила несколько раз «жмурки» и с четвертой попытки смогла-таки разлепить веки... и ни черта не увидела, кроме ярко-алого фона перед глазами.

Дашка интуитивно потянулась протереть глаза, но такое, казалось бы, простецкое движение не получилось – руку чем-то сильно придавило. Дарья попробовала другой, левой рукой – эта шевелилась, хоть по ощущениям тоже была прижата.

Тогда она попыталась пошевелиться. И обнаружила ужасное: двигаться она не могла!

Вернее, не совсем так глобально: тело-то шевельнулось совсем немного, но это отозвалось такой чудовищной и разнообразной болью в нем!

Болью ужасной во всех частях этого самого тела!

Господи боже мой! Зачем она только отозвалась на тот голос и выбралась из темноты?!

Боль!!!

Колющая, режущая, разрывающая, жгучая, сильнейшая!
Везде!

Но и это, как ни замедлило выясниться, оказалось не самым страшным!

Она не могла дышать!

Придавленная чем-то тяжелейшим, неподвижным сверху и черт-те чем еще с боков, Дашка не могла вдохнуть!

Безумная, жуткая паника накрыла ее, как утопила, с головой утягивая в безвозвратный омут! И она погружалась в нее, трясясь всем нутром от животного ужаса, судорожно распахивая рот и пытаясь, пытаясь, пытаясь вдохнуть!!

Ей хотелось кричать, орать надсадно! Выть по-звериному, животное, призывая жизнь!!! Разорвать горло и легкие криком и пробиться, пробиться к вдоху – к воздуху, пусть к боли, но к жизни!!

– Даша!!!

Краем затухающего сознания она снова услышала этот голос, очень знакомый, самый важный, единственно нужный и правильный сейчас голос...

И паника с ее напарником – безумием, уже почти пожравшие Дарью, отпустили, отступая перед силой, властностью и мощью этого зовущего ее голоса.

«Я сейчас, сейчас!» – подумала она, как пообещала кому-то.

И волевым усилием мысленно ухватила себя за горло, заставляя прекратить суетные, бесполезные попытки вдох-

нуть, ослабляя, изгоняя убийственный панический ужас из себя, вспомнив, как учил ее папа:

«Если подавилась или у тебя перехватило горло так, что не можешь вдохнуть, сразу – запомни, это самое важное: – сразу! – прекрати делать попытки вдохнуть и пугаться перестань! И очень осторожно, потихоньку втягивай воздух через нос!»

Очень осторожно, через нос она попробовала втянуть воздух...

И закашлялась, втянув вместо воздуха в горло вязкую горчаче-соленую массу с железным привкусом! И почувствовала такую обжигающую, непереносимую боль в легких, что на мгновение перед глазами поплыли темные круги в ярких салютных вспышках!

«Спокойно!!! – успела прикрикнуть на себя Дарья, пресекая вторую волну паники. – Еще раз!!»

Еще раз! Очень осторожно!

Так! Перестали дергаться. Остановились. Втягиваем воздух через нос. Ос-то-ро-жно!!

И получилось! Тоненькой струйкой воздуху удалось пробраться в легкие!

Еще раз – остановились, не дышим, вдыхаем! Еще раз! Вот так, вот так!

«Разлепи глаза, что ты зажмурилась!» – командовала она. Разлепила – алая, яркая пелена!

Дарья принялась осторожно высвобождать левую руку.

Господи, как же ужасно больно! Везде! От любого сантиметрового движения, от осторожного вдоха – больно!

«Давай, давай, Дашенька, ты справишься!» – как могла, подбадривала она себя.

Вытащила! Протерла глаза и посмотрела – красное!

Стоп! Красное – это у нее на пальцах, но пальцы-то она видит!

И вот тут-то случился самый полный финал! Оказалось, что до этого момента был еще «марципанчик», почти белая полоса! И – бац! – она осознала и вспомнила все и в один миг! Сразу!!!

«А вот это провал, Штирлиц!» – почему-то подумалось ей. Странно, но что-то близкое к истине.

И именно в этот момент на Дашу со всей отчетливостью обрушилась реальность, и она услышала стоны, чье-то безудержное рыдание, какую-то суету и крики, голоса там дальше за стонами и плачем и наконец поняла, что чувствует перенасыщенный тошнотворный резкий запах крови.

И вкус крови...

Протерев глаза еще раз, Дашке удалось сфокусировать зрение и разглядеть, что на ней лежит человек, придавивший ее всей своей массой. А сверху него, погребая их под собой, навалено что-то непонятное, и через это непонятное пробивается приглушенный свет разных ярких оттенков. И человек лежит странно – его голова упирается ей в правое плечо, а из его шеи в верхнюю губу Дашки струей, порциями

в ритме бьющегося сердца хлещет кровь.

Не успев ничего сообразить, она протянула руку и сильно, тремя пальцами, надавила на рану, остановив этот «гейзер», и только потом поняла, что где-то слышала или видела по телевизору, что именно так и надо делать.

Зачем? Да какая разница сейчас – надо и надо! Главное – сильно давить и не давать крови вытекать. Кто лежит на ней, Дарья так и не поняла в те первые минуты осознания происходящего.

– Даша!!! – Совсем рядом проорал тот же голос, знакомый, родной, но так ею и не опознанный до сих пор, и она рванулась ответить, позвать, сказать, что она здесь, здесь...

И кровь, которой был полон ее рот, перекрыв горло, протекла в желудок. И Дашка поняла одновременно два факта: первое – что ее сейчас вырвет, и второе – что она задохнется от этого!

Совсем! Окончательно!

И ей показалось, что у нее завывло сердце, как-то по-волчьи безысходно завывло, прощаясь, что ли, отчаиваясь окончательно.

«Нет! Нет! Нет!» – просила и уговаривала она себя.

Ей нельзя умирать! Она не хочет, не может, не будет умирать!!

Из глаз потекли бессильные и злые слезы смирения перед поражением, перед последним пониманием конца!

Все!! И ничего уже не сделать! Не можешь, не получится!!

Уже совсем все!

«Плакать нельзя!» – вяло подумала Дашка, почти уже сдавшись, отступая перед более сильной «дамой с косой», побеждающей в этом поединке...

Почти...

– Даша!!!

Взорвался в мозгу, пробился через это ее последнее смертельное смирение сильный, требовательный голос.

«Власов!!» – поняла наконец она уже мутнеющим сознанием.

И на вот такой малю-ю-юсенькой, ничтожной грани небытия она предприняла еще одну, самую последнюю и самую сильную, попытку жить.

«Власов!!» – рванула она к нему всем живым, что оставалось еще в ней.

«Так, Васнецова!! Мать твою!! Собралась!! Подыхать в другой раз будешь! Сопли тут распустила! Какого хрена! Так!! Плакать нельзя! Блевать тоже нельзя! Давай дыши!! Медленно! Но со вкусом!»

И осторожно – осторо-о-ожно, медленно-медленно начала втягивать воздух носом!

Раз, два, три – вдох! Раз, два, три – выдох! Еще раз, еще раз, еще...

Вот так! Вот так...

«Молодец! А ты испугалась!» – похвалила себя она, отчего снова захотелось плакать. – Нельзя, Дашенька! Дыши, ды-

ши!»

Почувствовав, что жизнь осторожно вернулась, слабенько пока совсем, еле-еле, но все же, и похвалила, и подбодрила себя она:

«Дыши, дыши, Дашка! Власов меня вытащит! И вытащит, и спасет! Уже спас! – И пропустила последнюю предательскую мысль: – От всего!»

И быстро-быстро заморгала, загоняя смертельно опасные, в самом что ни на есть прямом смысле, слезы назад.

Засунув руки в карманы брюк, Власов смотрел на удаляющийся по дороге автобус, увозивший Дарью Васнецову.

«Да ладно, Даш, не решила ты ничего, – скептически хмыкнул он про себя, – все ты знаешь теперь и все ты решила!»

Он улыбался, чувствуя еще тлеющее тепло в груди и на губах от ее последнего бесшабашного, сумасшедшего поцелуя.

– Игорь Николаевич, – выдернул его из теплой неги голос Марии Семеновны. – Я хотела еще раз поблагодарить вас! Мы все вам так благодарны! Дети в полном восторге! Впрочем, что я говорю, вы сами прекрасно видите. Вон, машут до сих пор!

Власов нехотя оторвался от смакования внутренней радости и теплоты под созерцание удаляющегося автобуса, перевел взгляд на директрису, с нее на детей, которых пытались отвлечь от активного махания вслед уезжающей маши-

не воспитательницы, и снова посмотрел на стоящую рядом женщину:

– Не за что, Мария Семеновна. Замечательно, что у детей удался праздник. Я и сам получил огромное удовольствие... – Засим господин Власов замолчал, сообразив, как именно можно трактовать, что именно он получил, но сумел-таки замаскировать заминку, добавив конкретики своему высказыванию: – От представления.

Вряд ли, даже обладая весьма красочным воображением и определенным жизненным опытом, директор детского дома могла представить, какое именно удовольствие получил господин Власов.

Хотя...

Их утреннее совместное появление с Дарьей и ее жаркий, совершенно улетный поцелуй оставляли мало вариантов для толкования. Впрочем, чье бы то ни было мнение Власова волновало меньше всего, особенно в их с Дарьей случае. Но от одной этой словесной заминки у него пробежала горячая волна по позвоночнику, ударив еще не остывшими воспоминаниями в положенных местах.

– Вам тоже спасибо, Мария Семеновна, – поспешил соблюсти реверансы он, отвлекая себя от не совсем уместных в данном разговоре ощущений. – За прекрасную организацию принимающей стороны.

– Это наша работа! – радостно ответила директриса.

Но Власов уже не слушал, кивнул и отвернулся, вновь по-

смотря на уменьшающийся автобусик. Можно было так стоять и смотреть, пока он не превратится в точку на горизонте, на прямой, как стрелка вектора, дороге и думать свое, но его уже отвлекли и мешали детский гомон и голоса воспитателей, утихомиривавших возбужденных ребятишек.

Игорь уже разворачивался, чтобы идти к своему джипу, припаркованному у ворот лагеря, но все поглядывал на дорогу.

Автобус отъехал где-то с полкилометра и приближался к перекрестку. Вот, пропуская автобус, подъехал к перекрестку и встал старенький синий «жигуль».

Власов уже шел к воротам и отворачивал голову, когда вдруг заметил что-то непонятное,стораживающее там, на проселочной дороге, за «жигулем». Игорь остановился, взгляделся и увидел несущийся на огромной скорости «КамАЗ».

«Козел! – ругнулся про себя Игорь. – Вот узнаю, что за лихач хренов, урою!»

Не снижая скорости, «КамАЗ» приближался к мирно стоящему «жигуленку»! Власов напрягся всем телом, сделав произвольный шаг вперед, быстро прикидывая в уме расклад на дороге: успеет автобус проскочить или затормозить, заметит его водитель опасность слева, остановится грузовик?

«Нет!» – сначала понял, почувствовал он, напрягаясь мгновенно всем телом, отказываясь верить до конца.

– Нет! – пробормотал он вслух, когда увидел, что, заце-

пив и отбросив левым бортом, как букашку незначительную, «жигуль», «КамАЗ» пер на выехавший в это самое время на перекресток автобус.

– Не-е-ет!!! – заорал Власов, видя, как на всей скорости разогнавшийся тяжеленный «КамАЗ» врежется в левый бок мини-автобуса!

Автобус, словно подброшенная, ненужная игрушка, от сильнейшего удара отлетел на обочину и, перевернувшись, рухнул на крышу в кювет.

Власова вывел из ступора, остановив его произвольный, неосознанный рывок к бегу, дикий крик сзади.

– А-а-а-а!!! – громко, истерично заверещали несколько голосов одновременно.

Страшно, дико, как-то по-звериному кричали, но ему этот вопль помог!

От этого крика мозг переключился с животной потребности бежать, спасать, доставать из того месива Дашку на режим принятия решений, ответственности и необходимости быстрых разумных действий.

В какофонии звуков, неразберихе – крике женщин, плаче детей, бешено бьющем барабаном в ушах стуке крови – он уже действовал.

– Молчать!! – проорал Власов, разворачиваясь назад.

И, стремительно двигаясь, практически бегом, к своему джипу, отдавал приказы на ходу – громко, четко, властно, по слогам:

– Уведите детей! Мария Семеновна! Быстро!! Вашего врача, медсестру, пусть возьмут бинты, жгуты, шины, обезболивающее, какое есть! Простыни, одеяла! Всех мужчин туда! Носилки, если найдете! Вызывайте «Скорую», полицию, пожарников! В МЧС я позвоню сам!

Четко, конкретно, без истерик!

На бегу достал сотовый, вскочил в машину, завел и, разворачиваясь, выкручивая руль одной рукой, второй искал в записной книжке на телефоне нужный номер начальника областного отделения МЧС. Там классные ребята, профи высшего уровня, он знал! Он очень хорошо знал, поэтому и звонил напрямую.

– Кондратьев! – ответили степенным голосом. А Игорь уже мчался по дороге туда, к Дашке.

– Власов! Василь Кузьмич, на перекрестке возле детского лагеря «Солнышко» «КамАЗ» со всей дури врезался в «мерседесовский» мини-автобус. В нем двенадцать человек. Три парня, водила и восемь девчонок из Москвы. По ходу еще и «жигуль» зацепил с пассажирами. Давай своих на вертолете, а то районные пока дочапают!

Не прерывая разговора, завизжав тормозами, остановился у места аварии, выскочил из машины, с такой силой толкнув дверцу, что она закрипела.

– Не лезь сам! – прокричал Кондратьев, поняв, что Власов уже в деле. – Рванет к е...й матери! Встречай борт, уже высылаю, мои разберутся! Слышишь, не лезь!

– Там восемь девчонок, Кузьмич, – ответил ровным голосом Власов.

И, зашвырнув телефон через открытую дверцу куда-то в машину, побежал к автобусу, на ходу сдирая с себя легкий летний пиджак и обматывая им правую руку.

– Дашка!!! – проорал он, упав на колени рядом с лежащим на крыше автобусом.

Он собирался сбивать остатки стекол, застрявших в рамах, но оказалось, что этого не требовалось. От того, что Игорь увидел, сердце остановилось, застопоренное ужасом и ошпарившей мыслью: «Там не может быть живых!»

От страшного удара все двойные кресла левой стороны, кроме последнего, вырвало с корнем железных оснований, и, превратившись в огромные режущие ножи миксера, они рвали, кромсали и крушили все, находившееся внутри салона, когда автобус переворачивало. В оконных проемах не то что кусков стекол не осталось, из них повывлетали даже резиновые уплотнители.

По жухлой запыленной траве вокруг разбитого остова раскидало какие-то ошметки – части сидений, стекольное крошево, куски реквизита, костюмов, казавшиеся нереальными, инородными яркими пятнами на земле, короб с аппаратурой, покореженный ноутбук с полуоторванной крышечкой, что-то еще – и девушку. Власов тряхнул головой, со всей дури засадил по железному борту кулаком, избавляясь от холода безысходности. Сцепил зубы и с удивлением посмотрел

на свою руку, не почувствовав боли от удара, которую ожидал. Рука все еще была обмотана бесполезным пиджаком.

– Твою мать! – выругался Власов и, разматывая пиджак с руки, кинулся к девушке.

Она была без сознания и лежала на животе, словно спала, вытянувшись в струнку. Живая! Ничего!

Он ощупал ее с головы до ног, перевернул с максимальной осторожностью, ощупал спереди. Переломы. Несколько. Скорее всего, внутреннее кровотечение и сотрясение мозга.

Ей бы в больницу прямо сейчас! А он ей помочь в данный момент ничем больше не может. И Власов побежал назад.

– Даша!!!

– Помогите, – услышал совсем рядом.

Девушка. Какая-то девочка лежала прямо возле окна, вся в крови, не разберешь и не узнаешь, кто, но не его Дашка.

– Сейчас, миленькая, сейчас! – пообещал Власов и протиснулся в проем к ней.

Она странно лежала, как-то вывороченно – бедра наверху, на устоявшем чудом одиночном кресле правого борта, а тело внизу.

– Так, милая, – успокаивал он, устраиваясь возле нее, – сейчас осторожно попробуй пошевелить руками и ногами, чуть-чуть, не сильно. Чувствуешь?

– Да, – отозвалась она и заплакала. – Больно!

– Это хорошо, хорошо! – скорее себя, чем ее, уговаривал он.

Как мог осторожно, сантиметр за сантиметром, он подсу-нул правую руку под ее шею, почти нежно прощупал там, где знал, что надо проверять, – вроде нормально. Ничего, у него сильные руки, он сможет удержать ее голову!

– Так, девочка! Слушай меня внимательно! – заглядывая ей в глаза, четким, командным голосом говорил Власов. – Я буду тебя поддерживать под шею, старайся не двигать головой совсем. Поняла?

– Да.

– Молодец! Тебе будет больно, но нам надо вытащить тебя отсюда. Когда я начну передвигать твои ноги, придется потерпеть. Договорились?

– Да.

– Умница, – похвалил Власов.

Подхватив девушку левой рукой под колени, не меняя положения правой руки, удерживающей шею в одном положении, он начал вытаскивать ее из автобуса.

Она молодец! Терпела! Постанывала, прикусив губу, побелела вся от боли, но терпела! Он на всякий случай отнес ее подальше от искореженного остова.

А хрен его знает! Вполне может рвануть. Кондратьев не зря предупреждал, а сейчас не до осмотра состояния машины и выяснения, бежит ли бензин, не искрит ли проводка.

– Полежи, сейчас к тебе придут, помогут, ладно? – погладив ее по волосам, пропитавшимся кровью, уговаривал он.

– Ладно, – согласилась девушка.

– Даша!!! – проорал он, вернувшись к автобусу.

Игорь прислушивался и всматривался в раскуроченное утро, пытаясь определить, где люди. У него волосы шевелились на затылке, но он не позволял себе более мыслей о бесполезности поиска живых! Вот когда всех достанут, тогда он об этом подумает!

Следующим он обнаружил парня, лежавшего лицом вниз на перекрученных остатках кресла, с неестественно вывернутыми, изломанными ногами.

Власов пытался нащупать пульс, но тщетно. Он вытащил безвольное тело и уложил на землю, подальше от перепуганной девушки, чтобы не видела.

Игорь возвращался к автобусу, когда к нему подбежали охранники, врач и медсестра из лагеря.

– Игорь Николаевич! – панически запричитала врачиха, ухватив его двумя ладонями за руку. – Я же не травматолог, я педиатр, я не знаю, что делать!

Власов накрыл ее ладони своей и спокойным, тихим тоном спросил:

– А когда у детей переломы и ушибы, вы знаете, что делать?

– Ну конечно, я на специальных курсах училась, чтобы попасть в этот лагерь! – И смотрела на него глазами перепуганной лани, ожидавшей решения вожака, ведущего к спасению.

– Вот и хорошо, – порадовался Власов. – Считайте, что

они тоже дети. Вон там лежат две девочки ненамного старше ваших подопечных. Их надо осмотреть, остановить кровотечение, шины наложить, перевязать, а ребята вам помогут, отдавайте им распоряжения. – Он посмотрел на четверых мужчин, пришедших с врачом, и молоденькую медсестру: – Справитесь?

– Да, да, конечно! – заверила она, справившись с паникой, и позвала остальных: – Идемте! Надо осмотреть пострадавших!

«Дашка, Дашка, Дашка!» – все это время, как набат, билась одна мысль в голове.

Без вариантов, без выкрутасов и предположений – худшего, страшного, лучшего!

– Дашка!!! – позвал он снова, пролезая в оконный проем автобуса.

Девушка – и снова не Дашка. Он нашел ее, отцепив от погнутых поручней и выкинув через проем одиночное сиденье. Она истекала кровью от многочисленных порезов – это видно, а что там внутри?.. Без сознания. Это хорошо! Он, как мог, быстро ощупал, проверяя. На ощупь вроде все не так страшно, а там хрен его знает! Позвоночник-то не прощупаешь!

Но ее надо срочно вытаскивать, иначе она умрет от потери крови.

Срочно – это хорошо бы, но не так просто: ее придавило сбоку остатками двойного раскуроченного сиденья, застряв-

шего передними ножками в поручнях. Власов попробовал отжать, выдернуть – никак!

Власов перевел дыхание, осмотрелся повнимательнее. В месиве лежавшего на крыше, почти сплющенного с левого бока автобуса разобрать что-то с ходу было не так-то просто. Он вдруг заметил слева чью-то руку, торчавшую из этого хаоса, и с пальцев капала кровь. Нереально, как в дешевом ужастике, алые струйки стекали по тонким девичьим пальчикам, по дороговому, навороченному маникюру на длинных ногтях и каплями падали вниз. Он нащупал пульс – есть, жива!

Ладно, потерпи, милая, сначала подругу твою...

– Даша! – позвал еще раз Власов.

И холодная волна пробежала по спине, когда, прислушиваясь, он осознал, что здесь, внутри, не слышит ни стонов, ни иных звуков. Зато он услышал звуки там, за ограниченными искореженным металлом пределами, – далекий вой сирен и четкий, гораздо более близкий звук лопастей вертолета.

– Вот и гвардия подросла, ребятки! – подбодрил он непонятно кого.

Видимо, уже не слышащих.

– Ну что, девочка, будем выбираться! – теперь уж персонифицированно обратился Власов к девушке, застрявшей под сиденьем.

Он нашел-таки островок, на который можно было встать в три погибели, разумеется, но хоть так. Игорь уперся спиной

в край кресла и надавил, отталкиваясь ногами. У него получилось с первого раза протолкнуть кресло, засунув его еще дальше за поручень, освобождая девушку из зажима, и тут уж не до «танцев» вокруг позвоночника, он с первого взгляда понял, что у нее осталось несколько минут.

Пока Власов с максимальной осторожностью выковыривал ее, как семечко из скорлупы, из-под завала, и помощь подоспела.

– Что здесь? – деловито спросил кто-то, принимая у него девушку.

– Кровотечение сильное, умирает, – пояснил он, передавая ее в умелые руки.

– Игорь! – прогрохотал недовольным голосом рядом Кондратьев.

Надо же, сам прибыл. Вроде бы происшествие не катастрофического масштаба, не рядовое, конечно, но и не столь серьезное, чтобы требовало его присутствия. Команда у него классная, справятся и без начальства. Однако ж сам пожаловал!

«Где ты, Дашка?» – посмотрел по сторонам Власов еще раз перед тем, как выбраться.

Кондратьев, выказывая недовольство, подхватил под руку и рванул вверх, помогая встать на ноги.

– Здравствуй, Василий Кузьмич, – поздоровался Власов и сообщил спасателю, стоявшему рядом с ними: – Там девушка между сиденьями, только рука торчит. Живая, пульс сла-

бый.

И, присев на корточки, показал, где именно. Спасатель, присевший рядом, руку увидел, кивнул и стал сообщать в рацию.

– А ты, Игорь Николаевич, видимо, здравствовать не собираешься, – ворчал грозно глава областного МЧС на поднявшегося с корточек Власова. – Я ж просил: не рискуй!

– Может рвануть? – испугался Игорь.

– Нет, уже проверили. – И, присмотревшись к окаменевшему лицом Власову, уточнил: – У тебя там что, личный интерес?

– Да, – жестко ответил Власов. – Она всегда сидит на переднем сиденье, развернутом, сразу за кабиной водителя.

И замолчал, сцепив зубы до хруста, до боли в желваках на скулах, до спазма в горле. Кондратьев молча кивнул и отвернулся.

Да, твою мать! Он и сам все прекрасно понимает! Ведь собственными глазами видел, что там внутри! От этого переднего сиденья вообще на хрен ни черта не осталось!

Кондратьев тяжело похлопал его по плечу:

– Ты не лезь больше, только мешать будешь. Ну, ты и сам знаешь, – и приговорил: – Надо ждать!

«Ждать!!» Вот это как раз ему сейчас противопоказано – ждать, бездействовать, разъедаая себя незнанием, надеждой, тающей с каждой секундой!

Кондратьев понял, что клокотало в нем.

– Ты четырех человек вытащил, двух девочек спас, мы бы не успели, умерли бы девочки, да и парень тоже. Все! Жди! Всякое бывает, может, повезет.

То, что вытворила судьба с этим автобусом, полным молодых, красивых девчонок и парней, под категорию «повезет» никак не подпадало.

Рядом не стояло!

Игорь перевел разговор. Его боль, страх, надежда и внутренний бессильный вой ярости – это только его!

– Что с «КамАЗом»-то? – спросил, продирая слова через наждачное, сухое горло.

– У водителя инфаркт. Видимо, когда прихватило, он от боли вдавил педаль газа в пол, да так и держал. Умер еще до аварии.

Власов кивнул, кашлянул пару раз, прочищая горло. Кондратьев махнул кому-то, и Игорю в руку сунули бутылку воды.

– Спасибо, – быстро скрутив пробку и отпив, поблагодарил он. – А «жигуль»?

– Водитель, жена и двое подростков-сыновей. Побились, конечно, но ничего серьезного. – И, ухватив Игоря за локоть, уводил от автобуса. – Пошли обстановку узнаем. – И махнул кому-то еще рукой, подзывая: – Докладывай, Александр Викторович, – не приказал, а скорее дружески обратился он к подчиненному.

– Девушку, руку которой обнаружил Игорь Николаевич,

вытащили. Тяжелая. Весь набор и проникающее ранение. Тех первых двух девушек уже отправили в районную больницу, и парня – оказался живой. А последние две... – Он развел руками, вздохнул. – Делаем, что можем, есть шансы. Водителя вытаскиваем, зажало, перелом грудины, проникающие есть. Еще одну девушку нашли, в сознании, работаем, поставили капельницу.

– Как зовут? – быстро спросил Власов.

Но он знал, что это не Дашка! Вот чувствовал, уверен был – не она!

– Ира, – ответил командир отряда и вздохнул. – Троих еще обнаружили, парень и две девушки, пока не вытаскиваем. Мертвые.

Кондратьев быстрым цепким взглядом посмотрел на Игоря.

«Это не она!» – с холодной убежденностью подумал Власов.

Он чувствовал всем нутром, чем-то высшим, что Даша жива! И это не уговоры себя, Бога, надежды, к которым прибегают люди в тот момент, когда родные попадают в катастрофу, – нет!

Он знал откуда-то, что она жива! И только рациональный разум пытался разрушить эту уверенность, чувство бienia Дашкиной жизни, когда взгляд наталкивался на то место, где раньше находилось первое за водителем сиденье.

– Нашли еще двоих, – донеслось из рации, висевшей на

плече у командира, – в задней части салона. Живы!

«Дашка!» – понял каким-то совершенно непонятным наитием Власов и рванул к автобусу, даже не услышав громкий окрик Кондратьева.

– Игорь! – Кондратьев догнал его у самого автобусного скелета и придержал за плечо. – Ты только помешаешь!

Руку, придерживающую, так и не убрал, но позволил подойти к оконному проему в хвосте автобусного скелета и спросил у старшего группы:

– Что там, Олег?

– Их завалило кучей театральных костюмов, а сверху всего этого накрыло двойным сиденьем. И очень неудачно: как распором, сиденье вклинило между двумя поручнями, поэтому мы их и не сразу обнаружили. Значит, композиция такая, – подробно объяснял Олег, – девушка лежит на спине, сверху, лицом к ней, парень. Он без сознания, девушка в сознании, но молчит, мы не можем оценить состояние, парень ее полностью накрывает. Сейчас вырежем кресло и начнем доставать.

– Командир! – высунулась чья-то голова из оконного проема. – Тут еще один... – Заметив высокое начальство, мужик быстренько подобрал аналог более красочному первоначальному эпитету, – сюрприз! У парня пробита сонная артерия, девочка ее зажимает пальцами! Она, видимо, в ступоре и руки своей точно уже не чувствует!

– Так! – вернулся к работе командир.

Встав на колени, сунулся внутрь, оценил обстановку, минуты через две выбрался обратно и, не поднимаясь с колен, отдавал распоряжение:

– Режьте на х... скорей! Если она отключится, кровотечение мы не успеем остановить!

Они заспешили, но без суеты и лишних движений – быстро, слаженно. Завизжала пила, отозвавшись болью в виске у Власова высоким звуком режущегося металла. Квак – один поручень! Квак – второй!

Власов придвинулся ближе и вдруг за спинами, руками и головами работавших спасателей увидел распахнутые голубые глаза Дашки!

А потом и все лицо! В крови! Все полностью!

В подсохшей, уже схватившейся коркой неправдоподобно алой крови! И из этой кровавой маски смотрели куда-то голубеющей радужкой и расширенными черными дырами зрачков глаза!

– Дашка!! – взревел Власов и рванул к ней всем телом.

И она слышала, перевела взгляд из неизвестного пространства, куда заглядывала, на него.

– Реагирует! – порадовался кто-то из спасателей. – Говорите с ней, надо, чтобы она не потеряла сознания! Мы быстро!

Он опустился на колени сбоку от проема, стараясь не мешать мужикам, но так, чтобы девушка могла его видеть, и привалился плечом к автобусному боку.

– Все хорошо, девочка! Парни сейчас вас вытащат! Ты потерпи еще чуть-чуть! – уговаривал он.

Она закрыла глаза, а он испугался – все, отключается! Но Даша открыла их снова с трудом, и это было видно, что с трудом; он наклонился ближе и увидел слезы, скапливающиеся в них.

– Тихо, тихо, Дашенька! Плакать нельзя пока! – успокаивал, уговаривал ее и себя Власов. – Мы с тобой потом поплачем, Даш.

У него выло все внутри от ожидания и незнания, что с ней, от еле сдерживаемого желания самому скорее достать, вырвать ее из этого ада!

Когда ее вытаскивали трое спасателей, Дашка потеряла сознание. Кончились у нее силы и мужество. Она их и так из неизвестных резервов перебрала! Власов успел подержать ее за ладошку безвольную, погладить по голове, поцеловать щеку в запекшейся крови, убедиться, удостовериться, что она жива! Жива!!

И на него внезапно, без предупреждения, навалились непомерная усталость и отупение, да так, что пришлось сесть на землю, свалившись чуть не мешком – ноги не держали.

– Вам плохо? – спросил кто-то участливо.

– Сигарета есть? – с трудом пробормотал Власов.

– Щас найдем! – пообещал тот же голос.

Власов прикурил от поднесенной зажигалки, сильно затянулся, чувствуя, что отпускает понемногу. Его как бы вы-

ключило от происходящего вокруг – людей, их действий, суеты, отдаваемых команд, событий, – догнало. Нормально!

– Знаешь, Игорь, – услышал он над собой голос Кондратьева, – открою тебе секрет: чудеса в нашем деле частенько случаются! Вот как она оказалась в конце автобуса? А? Вопрос!

Власов пожал плечами, еще раз глубоко затянулся, выпустил дым, затушил, ткнув в землю бычок, тяжело поднялся на ноги и задал самый главный вопрос, пульсировавший в голове с момента, когда он увидел Дашкины глаза:

– Как она?

– Тяжелая, – вздохнул Кондратьев. – Но живая. Ее и тех двух тяжелых девочек бортом в нашу областную клинику отправляем.

– Хорошо, – кивнул Власов, – спасибо, Василь Кузьмич.

– Сбрендил, что ли? – возмутился Кондратьев.

– Наверное, – невесело усмехнулся Власов.

– Говоря по-научному: постстрессовый синдром, а попростому: отходняк обыкновенный. Фигня! Впрочем, ты сам про это прекрасно знаешь. Пройдет. Я с ними полечу, контролирую. А ты, Игорь Николаевич, давай домой, душ и грамм сто коньяка на грудь. Сразу полегчает!

– Нет, – отказался от заманчиво манящей перспективы Власов, – за вами поеду.

– Точно сбрендил! – утвердил предположение Кондратьев. – Куда поедешь? Ты весь в кровище, в грязище с ног до

головы, да и в таком состоянии тебе за руль нельзя! Хватит с нас сегодня происшествий!

– Да, – осмотрев себя, с удивлением согласился Власов. – Помыться не мешало бы.

Дашка все еще находилась в операционной.

Власов успел добраться домой, сам не помнил как – на силе воли и с помощью такой-то матери. Долго отмывал в душе въевшуюся в поры, в волосы засохшую кровь и грязь, постоял под контрастным душем, выпил обжигающий крепкий кофе, побросал в сумку вещи. И вместо положенных двух часов до областного центра доехал за полтора. Ни разу не посмотрев на спидометр, пропускаемый всеми гаишниками по пути.

И вышагивал у дверей операционного блока, стараясь заткнуть тревожные мысли и страхи за Дашку.

Белой скромной мышкой из дверей выскользнула молоденькая медсестрица, та же, которая уже выходила, когда Игорь приехал.

– Игорь Николаевич, – пролепетала тоненьким голоском скромняшки. – Меня Антон Иванович послал сказать, что операция продлится еще как минимум час. – И заспешила, чуть повысив голосок: – Но Антон Иванович просил передать, что все идет хорошо, осложнений нет!

– Спасибо, – сухо поблагодарил Власов.

И заставил себя добавить обходительной мягкости в голо-

се.

Все! Мозг врубился на привычный ритм работы, анализа обстановки и принятия решений.

– Машенька, я правильно запомнил? – намекнув губами на улыбку, спросил он.

– Да, – слегка зарделась девица.

«Как таких блеющих в хирургии-то держат?» – раздражился Власов, но тон заданный выдержал:

– Маша, скажите, здесь есть где-нибудь поблизости приличное кафе или ресторан, где можно перекусить?

– У нас очень хорошее кафе на первом этаже! – оживилась хирургическая девуля. – Частное. Там очень вкусно готовят.

– Машенька, а вы не могли бы оказать мне любезность и принести оттуда пару бутербродов и кофе, или что там еще есть? – И, узрев ставшее недовольным выражение ее лица, поспешил предотвратить отказ: – У меня никаких сил нет, честное слово.

Эту лабораторную мышь явно не следовало информировать, что он не собирается отходить отсюда, пока не дождется конца операции и не узнает, как там Дашка, и не увидит ее собственными глазами.

– Хорошо, я схожу, – подобрела медсестрица, демонстрируя наконец свой явный интерес к Власову.

Да бог бы с ней, господи! Обычно он игнорировал трепет девичий таких вот Машенок в свой адрес – молодые еще, не сильно умные, что уж теперь! Но сейчас это при-хе-хе с

интересом его раздражало и было настолько неуместно, что так и подмывало разъяснить девоньке эту неуместность.

Но он сдержался, а куда деваться? Достал портмоне, вытащил из него купюру и сунул ей в ладошку.

– Ой, это много! – пискнула мышка, сверкнув глазками.

– Себе что-нибудь возьмите, не просто же так вам ходить! – подбодрил Власов.

И все! Он уже про нее забыл!

Сел на диванчик, вполне удобный такой диванчик для ожидающих судебного приговора родственников, откинулся на спинку, уперся затылком в стену и прикрыл глаза. И почему-то вдруг вспомнил так ярко, подробно до мелочей тот момент, когда увидел Дашку первый раз.

Он приехал в Москву под вечер. Снял квартиру с охраны, зашел, кинул сумку и портфель у порога и, не раздеваясь-раздеваясь, двинулся открывать все окна – выветрить характерный застоявшийся запах жилья, редко посещаемого хозяевами. Распахнув окна, запустил в дом бодренький морозный сквознячок, поспешивший заполнить пространство, задувая мелкие, тающие на лету снежинки в дом.

Власов снял наконец пальто, туфли и плюхнулся в кресло, расслабляясь. Вроде и не устал – полтысячи верст до Москвы из своего Кукуева он пролетал знакомым до мелочей маршрутом, и тут же включился в дела и проблемы насущные.

Ладно! Отрелаксировал немного – и хватит. Вон уж и

квартиру выхолодило.

Закрывая окна, он обдумывал планы на завтра. На сегодняшний вечер тоже запланирована встреча, хоть и деловая, но в режиме дружеских посиделок с хорошим знакомым Михаилом Байковым, партнером по прошлому бизнесу и потенциально возможным по нынешнему, в зависимости от застольных переговоров.

Упомянутый Байков не замедлил напомнить о себе звонком телефона.

– Да, – отозвался Власов.

– Игорь, привет, – с ноткой покаяния в голосе поприветствовал Байков. – У меня тут полная задница! Мои немцы прилетели на день раньше! Просят пARDону, что-то там лепечут про изменившийся график! Это у немцев-то! Прикинь! Совсем Европа опупела, если у немцев могут меняться какие-то графики! Или их кризис доконал, как думаешь?

– Думаю, этих никаким кризисом не изведешь! – двинул версию Власов. – Я так понял, что наша встреча отменяется?

– Ну уж нет! – горячо возразил Байков. – Зря я, что ли, тебя месяц ждал! Ты на сколько в Москве задержишься?

– Дня на три.

– Выкроишь окно часа на три для меня? По возможности вечером, чтоб без суеты посидеть?

– Попробую, но обещать не буду.

– Нет, ну вот же засада! – жаловался с жаром Байков. – И именно сегодня! И не пошлешь же козлов!

– Да ладно, – урезонивал Власов. – А когда не засада была?

– Да это-то ладно! С тобой мы по-любому встретимся, буду за тобой три дня ходить, пока не освободишься! Но у меня сегодня намечался театр с Юлькой, я ей три недели назад обещал, специально день выбрал, чтоб после театра к тебе! Представляешь?

Власов представил. Весьма красочно, с наметками диалога, близкого к реальности. Юлька категорически не понимала и не принимала причин отказов от планов досуга.

– Работа – это не жизнь! – с тупой убежденностью заявляла она. – Значит, вы плохо работаете, если не можете ее нормировать!

При этом сама трудилась в одной из самых крупных корпораций, но жестко разделяла рабочие часы и остальную жизнь. А если начинала занудствовать... До потрохов достанет – ховайся, кто может!

– М-да, – посочувствовал Власов Мишке. – Ты действительно попал!

– Власов! – вдруг заорал Байков. – Сходи ты с ней!

– Эй! Отставить панику на крейсере, матрос Байков! – утихомиривал его Игорь. – Ничего, в другой раз сходите.

– Ты же ее знаешь! – привел весомый аргумент Мишка. – Я мозгой двинусь, пока ей объясню! Сходи, а? Ты в театре-то давно был?

– Ты еще про бабушку мою вспомни! – обозначил

давность посещения культурно-просветительного заведения Власов.

– Ну во-от! – уговаривал Байков. – А это нынче самая на шумевшая постановка, еще премьерная. Билетов не достать вообще. Я те самые за три недели заказывал!

– Ладно, – согласился неожиданно для себя самого Власов, – выгуляю твою Юльку, но с тебя...

– Само собой! – возрадовался Байков и тут же напомнил озабоченно: – Ну, ты там с ней...

– Я помню, Миш, – заверил Власов.

Михаил Байков был старше Власова на семь лет, из поколения, на голову которого обрушились все тумачи переломного революционного времени.

Они как-то обсуждали в мужском застолье, что поколением обычно считают возрастную вилку около двадцати лет, это при плавно текущем историческом процессе. Но при том раскладе, который достался России к девяностому году, все происходило намного быстрее и жестче.

Их поколение сорокалетних разделилось на тех, кто к девяносто первому году успел закончить институт, начал работать или работал без высшего образования, но еще в той стране, с другими законами, и семьями обзавелся, и тех, кто, закончив институт или без него, отслужив в армии, начал работать в девяностом – девяносто пятом. Казалось бы, пять-семь лет, а разница огромная! Те, кто помоложе, к ним относился и Власов, просто вписывались, принимали и подстра-

ивались под быстро меняющуюся действительность и события в стране. А тем, кто постарше, пришлось ломать мышление, укоренившееся в сознании и закрепленное жизнью и правилами совкового социума, семьями рисковать, детьми в лихие «отстрельные» годы.

Разговор, разумеется, шел о мужиках, уж извините, не о женщинах со всеми их эмансипе и феминизмом.

Мишка Байков женился по залету и большой любви на втором курсе института, и в восемнадцать лет стал отцом дочурки-симпатяжки Юлечки.

Родители получали образование, а дочкой Юлечкой занимались бабушки с дедушками. Годам к трем у девочки обнаружился странный недостаток, некая особенность – ребенок совершенно не понимал юмора! Казалось бы, ерунда, незначительность, но... У нее не получалось общаться с другими детьми и со взрослыми туговато приходилось. Она не смеялась, когда смотрела мультики или детские фильмы, – не понимала, и все! В детском театре, куда ее повели бабушка с дедушкой, так вообще полный конфуз вышел! Дети вокруг хохочут, в ладоши хлопают, подыгрывают действию на сцене, а Юлька посмотрела вокруг и громко разрыдалась.

Психотерапевты в те времена не то чтобы совсем уж не водились, но причислялись к чему-то столь экзотическому и непонятному, как, скажем, рыба-игла. И потащили ребенка по разным невропатологам, которые перенаправили к тем самым экзотическим психотерапевтам и в Институт мозга.

Словом, мытарств ребенку досталось, но после многочисленных исследований родителям объявили, что Юленька Байкова вполне нормальный, здоровый ребенок, и у нее прекрасно развит отдел мозга, отвечающий за логику, вполне может и Лобачевским стать, и точные науки для нее как семечки и удовольствие, и образное мышление в порядке. Но есть нюансы! А как не быть! Тот отдел мозга, что отвечает за юмор, подавлен и не работает. Но с точки зрения науки и медицины это не считается ни патологией, ни тем паче болезнью какой, ни отклонением, а некоей индивидуальной особенностью.

Здорова! Свободны!

Власов, когда знакомился с ней, был предупрежден любящим отцом об этой особенности девочки, но оказался совершенно не готов к такому полному невосприятию юмора – то есть глухо и напрочь! Танк!

Он откровенно недоумевал, как можно быть продвинутой в точных науках, закончить институт с красным дипломом, не обладая хоть крупницей, ну хоть какими-то зачатками банального чувства юмора!

И решил, что это нечто вроде врожденной хронической болезни, которая требует постоянного внимания и заботы родных и близких, а еще большого мужества самого больного.

Юлька, надо отдать должное, была очень мужественной девочкой, и Власов уважал ее за это. Она прекрасно осозна-

вала свою «нетаковость», отличие от всех других людей, не имела ни друзей, ни подруг и являлась вечным источником для шуток и насмешек. Впрочем, в силу этой самой особенности последнее ей было до лампочки.

Она не спряталась за спину обеспеченного отца, а училась, работала. Десять лет назад умерла жена Мишки, Юлькина мама. Они пережили это горе вдвоем, да так вдвоем и остались, Мишка не женился во второй раз, может, старался оградить Юльку, может, по каким иным резонам, но не женился. Любовницы у него не переводились, с некоторыми он жил по нескольку лет, но никого из своих женщин в дом не приводил и с Юлькой не знакомил, защищая таким образом дочь и с этой стороны. Вот такие в этой избушке непростые игрушки!

Спектакль оказался интересным, но как-то перенасыщен действием и шутками. И это сильно напрягало Власова, учитывая присутствие рядом специфичной, скажем так, партнерши по просмотру театральной постановки, следившей за тем, что происходит на сцене, с непроницаемым лицом.

А посему удовольствия он не получал никакого и в какой-то момент отключился от происходящего на сцене, углубившись в обдумывание завтрашних дел насущных и встреч.

В антракте Власов повел Юльку в буфет – коньяк ему сейчас в самый раз!

Стоя в суетно-нетерпеливой очереди спешащих успеть выпить и закусить театралов, Власов немного взбодрился. Да

ладно! Досидит он как-нибудь до конца нашумевшей постановки, больше похожей на повод для очередной тусовки бо-монда – куда ни глянь, наткнешься на медийно знакомые лица, с умным видом что-то обсуждающие друг с другом.

Ну а то! Модно, престижно, значимо! И по телику покажут.

Нормально, у людей такая работа – лицом! – еще и интервью давать, как тут не отметиться! А у него на сегодня вот такая работа – выгулять дочь Мишки Байкова в театр – тоже не рахат-лукум, прямо скажем.

Ничего! Сейчас примет коньячку, примирит себя малехо с действительностью, может, и досмотрит со вниманием новомодную постановку.

– Даша! Васнецова! – неожиданно громко крикнула Юлька и махнула кому-то рукой, выбивая Власова из неблагоприятных рассуждений.

Игорь посмотрел на нее с легким недоумением: странно, обычно Юлька никогда не проявляла инициативы с кем-то общаться. И уж тем более звать кого-то, заметив в толпе!

Он проследил за направлением ее взгляда, пытаясь определить, кого она там зазывает. Она махнула еще раз, и Власов увидел девушку, помахавшую ей в ответ. Незнакомка пропустила в узкий проход между столами мужчину, сделала шаг вперед, слегка задев мужчину плечом, легким поклоном головы как бы извинилась, улыбнулась ему и пошла в их сторону, продолжая улыбаться.

У Власова перехватило дыхание, сердце тукнуло пару раз, как кулаком под дых, — тяжело, весомо, а в мозгу прозвучала громкая, четкая мысль, как гвоздями заколачиваемая табличка с утверждением: «Она будет моей женой!»

Восклицательный знак утверждения!

И неожиданно его отпустили разом всякое напряжение, раздражение на Юльку и этот театральный «поход». Он облокотился на стойку правой рукой и принялся внимательно рассматривать девушку.

Ничего сверхвыдающегося... но и обыкновенного вообще ничего! Полное отсутствие бытующих стандартов!

Невысокая, где-то метр шестьдесят пять, наверное, в узком черном облегающем платье до колен, но не пошлой «второй коже», не оставляющей простора для воображения, а скроенном по фигуре. Туфли-лодочки, подчеркивающие офигенной формы и красоты лодыжки и ножки, из украшений только нитка крупного натурального жемчуга на шее. Никакой модной худобы и торчащих костей, высокая грудь, красивый изгиб талии, попку, увы, не видно, только фасад.

Пробежав взглядом снизу вверх, оценив девушку, Власов перешел к изучению лица, на котором тоже обыкновенность не отметилась своим присутствием. Классические черты: тонкий, но не слишком, носик, красивой формы губы, мягкий подбородок — все бы так миленько и симпатичненько, без изысков, если бы не глаза! Большие для такого лица, казавшиеся еще больше из-за яркого сине-голубого цве-

та и какой-то лучистости загадочной. И последний, завершающий образ штрих – гладко зачесанные назад светло-русые волосы, скрученные тяжелым пучком у основания шеи.

Все! 10:0 – наши победили!

Приглушенность ее красоты, тонкой, изысканной, скорее проистекающей изнутри, не бросающейся в глаза, была той, которую принято называть истинной ценностью. Единственное, что выдавало эту спрятанную, охраняемую изысканность, – это глаза!

Разглядывая ее, смакуя понятое и увиденное, Власов был спокоен, как йог в глубокой медитации: а чего дергаться? Она будет его женой, и не он это решал и выбирал, он такие дела с первого взгляда и с первой встречи не решает и выборов скоропалительных не делает.

– Привет! – поздоровалась девушка с Юлей, подходя наконец к ним.

Очередь сдвинулась, впереди остался один мужчина, который делал большой заказ на компанию, ну, это минуты на три.

– Привет! – отозвалась Юлька и вдруг спросила, как обухом: – Ты что тут делаешь?

Нет, ну Юлька, конечно, сама подставляется, подумалось сразу же Власову! Может, у нее там что-то еще не в порядке в мозгу, помимо отсутствия чувства юмора? Насколько он помнил, считалось, что с логикой у Юльки все в порядке.

У девушки приподнялись удивленно брови, и она тут же,

влет, без лишних умственных усилий, ответила будничным тоном:

– Как что? Проходила мимо, дай, думаю, зайду, груши попоколачиваю.

– Какие груши? – холодно переспросила Юлька.

А Власов оттолкнулся от стойки, на которую так и облокачивался, и интуитивным жестом прикрыл Юльку плечом, защищая, и лицом затвердел, и слова приготовил, но заметил, как вдруг изменилось выражение глаз девушки, не обратившей внимания на все эти его маневры. Она смотрела только на Юльку, и понимание и некая застарелая усталость читались в выражении ее странных глаз.

– Извини. Я что-то устала совсем и давно тебя не видела, – успокаивающим жестом положила она ладошку Юльке на руку.

– Ничего, – улыбнулась ей Юлька.

А Власов поразился: ни фига себе! Извинилась! Он, может, и поразмыслил бы над этим фактом, и выводы соответствующие сделал, но тут подошла их очередь, и он отвлекся.

– Юль, ты что будешь? – спросил, предварительно заказав себе коньяк и бутерброд с семгой.

– Шампанское и бутерброд такой же, как тебе, – отчеканила Юлька.

– А вы, девушка? – обратился он к этой Даше Васнецовой.

– Чаю зеленого, пожалуйста, – без эмоций огласила пожелание она, даже не соизволив посмотреть на него.

Ну, чаю так чаю! Отправив девушек за освободившийся столик, Власов, расплачиваясь, повернулся и с вполне определенным интересом посмотрел им вслед.

Попка у его будущей жены оказалась что надо!

– Игорь Николаевич, вот ваши бутерброды и кофе.

Он открыл глаза и обнаружил перед собой одноразовую тарелочку с горкой разнообразных бутербродов, а за тарелочкой медсестрицу Машу с большим картонным стаканом, обернутым несколькими салфетками, в другой руке.

– Горячо, – сообщила хирургическая дева, – еле донесла.

– Спасибо, Машенька, – поблагодарил он, принимая у нее стакан с кофе.

– Я пойду, Игорь Николаевич? – Как у учителя на уроке в туалет отпрашивалась.

– Идите, Машенька, – разрешил он.

Кофе и бутерброды изыском не побаловали, но всерьез оголодавшему, как обнаружилось, Власову пришлось очень даже в тему.

Он жевал, прихлебывал обжигающий кофе и погружался в воспоминания, прерванные появлением девушки Маши.

– Благодарю, – с королевской вежливостью сказала Дарья, когда он поставил перед ней на стол чашку с чаем.

И первый раз с того момента, как Юлька окликнула ее, посмотрела прямо на Власова. И что-то там заплескалось у

нее в глазах, и сине-голубой взгляд задержался на его лице...

– Да, – угробила тонкий момент Юлька, – познакомьтесь. Это Даша, мы раньше вместе работали. А это Игорь Николаевич, мой хороший знакомый.

Они чинно раскланялись полупоклонами, плеснули политесом.

– Как вам постановка, Даша? – культурничал Власов.

– А черт его знает! – удивила она не ожидавшего такой непринужденности легкой, что-то там другое придумав себе про нее из мира аристократов и привычки к сдержанности в высказываниях. – Мой усталый мозг за плотно насыщенным действием на сцене не поспевает. То ли не дотягиваю до чистых истоков высокого художественного замысла режиссера, то ли «в консерватории надо что-то менять», – без улыбки пояснила она, еще и цитатку Жванецкого присовокупив.

Власов кинул быстрый взгляд на Юльку. Собственно, ничего нового: напряженная маска на лице – защита. А Дарья эта успела перехватить его озабоченный взгляд и тоже посмотрела на Юльку.

– Юль, извини еще раз! Я действительно сильно устала, соображаю туго. Пойду, наверное, домой. Бог с ним, с этим продвинутым спектаклем.

– Ничего, Даш, – потеплела взглядом Юлька. – А ты что здесь одна?

– Да так получилось. Мы с сестрой собирались вдвоем. Но она застряла где-то в пробке. Позвонила, говорит, снег

повалил, Москва встала.

Власов оценил, что Дарья старается говорить максимально прямолинейно, однозначно трактуемыми фразами, как с ребенком, с которым общаешься как со взрослым. И у нее получалось, но она немного перебарщивала, может, от усталости, о которой упомянула уже дважды.

– Надо досмотреть, – поделилась Юлька своими жизненными установками в форме утверждения, – если запланировали.

– А тебе спектакль нравится? – спросила Дарья.

– Нет, – четко ответила Юлька. – Но досмотреть надо.

А Власов не отрываясь наблюдал за девушкой Дарьей Васнецовой: как меняется выражение ее лица – вот она уже собралась ответить, и веселые чертики запрыгали у нее в глазах, но тут вспомнила, с кем разговаривает, и чертики исчезли, уступив место легкому напряжению.

– Как работа? – поменяла она неожиданно тему.

– Хорошо. – И Юлька принялась рассказывать про коллег, о делах офисных, новостях.

Игорь не слушал, потягивал коньяк, продолжая бесцеремонно разглядывать девушку, кивавшую по ходу Юлькиного повествования и старавшуюся скрыть, что на самом деле пропускает большую часть информации мимо.

– А где ты теперь работаешь? – спросила Юлька.

– В творческом объединении, – ушла от прямого ответа Дарья.

Громко, настойчиво и длинно прогремел первый звонок.

– Ну что ж! – с боевым настроением сообщила девушка. – Я домой. А вам пожелаю приятного просмотра!

Поднялась со стула, подхватила со стола свою стильную сумочку-клатч, улыбнулась только Юльке:

– Я рада, что у тебя все хорошо, Юль. – Перевела взгляд на Власова: – Всего доброго, Игорь Николаевич.

– Все-таки уходите? – Он немного опешил от такой стремительной перемены событий.

– Да, как-то сегодня с приобщением к искусству у меня плохо получается. – И быстро перевела взгляд на Юльку: – Пока!

– Пока, – ответила ей Юлька.

Он смотрел вслед уходящей Дарье и с досадой думал, что с удовольствием послал бы этот спектакль к чертовой матери, туда же и сегодняшнюю партнершу театральную и поехал домой. Лучший вариант – отвез бы Дарью Васнецову домой, идеальный – домой к себе.

Но он будет досматривать постановку. С Юлей.

– Расстроилась? – участливо спросил он у загрустившей Юльки.

– Ты про то, что она шутила? – печально улыбнулась Юлька.

Власов кивнул.

«Как с ней Байков живет? Привык, наверное, как привыкают к болезням родных людей», – подумалось ему.

– Нет, не расстроилась. Васнецова, она всегда такая. – И попыталась объяснить: – Когда она входила в офис, сразу же с порога шутила, и народ как просыпался. То ходили еле-еле, переругивались, кофе потягивали, просыпались, а стоило ей войти – и все улыбаются, громко разговаривать начинают, смеются, даже из других отделов приходят пообщаться с ней. Она острит постоянно, она так разговаривает, у нее так мысли устроены, образ мышления. Я большую часть того, что она говорит, не понимаю...

Длинно, громко и раздражающе прозвенел второй звонок. Юлька дождалась, когда он закончится, и продолжила говорить:

– Но знаешь, Даша единственный человек за всю мою жизнь, который извиняется передо мной. Она всегда искренне извинялась, когда шутила и замечала, что я тоже слушаю. Подходила ко мне и извинялась, но так, чтобы только я слышала и чтобы не давать повода остальным надо мной шутить. Я понимала.

Юлька помолчала, допила остатки шампанского, поставила бокал на стол и задержала на нем взгляд.

– А однажды она мне предложила: «Юль, давай я тебе объясню самые распространенные анекдоты, логику интриги, шутки. И мы их запишем, чтобы ты их знала и не терялась, если их при тебе расскажут, особенно в незнакомой компании. Чтобы ты могла себя более спокойно чувствовать». И она мне записала больше тридцати анекдотов и объяснила

эту логику-интригу, а еще разные избитые цитаты из известных фильмов. Специально для этого со мной после работы оставалась. И я поняла основное, что весь смысл шутки именно в том, что логика там нарушена. Я все, что она записала, наизусть выучила, и действительно мне стало намного легче. – Юлька посмотрела на Власова. – Мне ее очень не хватает. Я рядом с Дашей чувствовала себя спокойной, защищенной, как с папой. Но она так неожиданно ушла из корпорации. А ведь у нас сделала блестящую карьеру за несколько лет, ее кандидатуру уже утвердили, и через два месяца Даша должна была занять должность одного из руководителей в управлении. Но она все бросила и ушла. Так никто и не знает, почему и куда...

Ее прервал третий громкий звонок. У Юльки поменялось выражение лица с грустно-задумчивого на сосредоточенное и деловое. Она сняла сумочку со спинки стула и твердо заявила:

– Идем. Надо досмотреть спектакль.

Власов про себя от души выругался.

Второй акт спектакля прошел без его внимания; нет, физически он присутствовал, сидел рядом с Юлей и думал, посмотрев на нее, что выражение ее лица скорее соответствует наблюдению за проведением лабораторного опыта: что происходит, не совсем понятно, а итог туманен.

За каким хреном ей вообще дался этот театр, если большую часть происходящего на сцене она не догоняет, не про-

сто, не криво, не боком – никак не догоняет отсутствующим рудиментарным органом? Впрочем, это ее дело.

А у него имелось свое. Дарья Васнецова.

Что теперь с ней делать? Искать? Настаивать на продолжении знакомства?

К концу спектакля Власов понял, что ни искать, ни предпринимать попыток разузнать о ней подробней и никаких иных телодвижений в данном направлении он делать не станет.

Если эта встреча на самом деле из области божественных шуток и Провидения, значит, пересекутся их пути еще раз, если нет, то привиделось ему что-то, не судьба! Да и смешно это, в его возрасте, с его опытом и знанием жизни: увидел – и женюсь!

Он, наверное, задремал и открыл глаза, когда его легонько потрясли за плечо.

Врач Антон Иванович, оперировавший Дашку, беспредельно вымотанный, в мокрой от пота хирургической робе сел рядом с Игорем на диван, снял шапочку, и с силой потер большой ручищей лицо.

– Нормально все. – И еще раз потер лицо. – Значит, картина клиническая следующая: тяжелое сотрясение мозга, но обошлось без пролома и трещин черепа. Перелом трех ребер справа, одного слева, перелом правой ноги. Разрыв селезенки зашили. Серьезный ушиб правой почки, было неболь-

шое внутреннее кровотечение – остановили. Основной удар пришелся на правую сторону, рука цела, но трещина ключицы, синяк будет на все тело. И это ничего бы, но она долго находилась в угнетенном, сжатом состоянии и почти не могла дышать, кислород не поступал в кровь. При этом тело во множественных порезах осколками битого стекла, некоторые с подкожным проникновением, пришлось доставать и зашивать, но из-за них она потеряла много крови. Поэтому состояние тяжелое. Но есть обнадеживающие факторы – позвоночник цел: ни трещин, ни ушибов, при таких-то травмах, и второе: она очень здоровая девочка, сейчас по-настоящему здоровые люди редкость.

– Насколько тяжелое состояние? – не поддался успокаивающей последней фразе Власов.

– Очень тяжелое, Игорь Николаевич, – перестал ободрять доктор. – Травмирующие составляющие, полученные ею, сами по себе не так страшны и опасны, а вот то, что она потеряла много крови и организм долго находился почти без поступления кислорода, осложняет картину. И не буду лукавить, может проявиться еще большими осложнениями. Я вообще не понимаю, как она умудрилась сохранить присутствие духа и хоть как-то дышать!.. Вот так-то!

– Что надо делать? – собрался воевать Власов.

– Вам обязательно отдохнуть, плотно поесть и выспаться. Как доктор, рекомендую выпить грамм сто. Она сейчас в палате реанимационной интенсивной терапии. До завтрашнего

вечера будет подключена к аппаратам, и мы станем поддерживать ее в бессознательном состоянии. Так что, сами понимаете, увидеть ее раньше завтрашнего вечера нельзя. — Он похлопал Власова по колену, вставая с кресла. — Отдыхать, отдыхать, Игорь Николаевич.

В областной центр Власову приходилось наезжать часто, но квартирой в городе он не обзавелся, предпочитая останавливаться в одной и той же гостинице. Здесь его знали давно и принимали состоятельного и известного в области, а оттого родного и любимого постояльца с распростертыми объятиями и неизменно достойным уровнем сервиса.

Он предпочитал один и тот же номер с прекрасным видом с балкона на речку, набережную и парк и, предварительно забронировав, останавливался всегда только в нем. Но, подъезжая к гостинице, вспомнил, что сегодня номер не заказывал и в гостиницу не звонил, и поморщился от досады.

Власов никогда не был капризно-разборчивым, хотя, конечно, давно привык к высокому уровню и стилю своей жизни, не замечая и особо не отдавая себе в этом отчет.

Но именно сейчас ему, как никогда, требовалось место покоя, некое состояние внутренней тишины — осмыслить в полной мере, что произошло, пережить, победить и отпустить страхи за Дашкину жизнь и мысленно побыть с ней.

Принимая решение, куда ехать, он подумывал, не вернуться ли домой, в свое родное хозяйство, а завтра... вернее уже сегодня, к вечеру обратно в больницу. Но понял, что

покою ему там не дадут, придется решать массу рутинных срочных вопросов, ликвидировать проблемы. Может, это и неплохо, отвлекло бы от тяжелых переживаний, тревожных раздумий и беспокойства, но ему хотелось тишины, и Игорь поехал в гостиницу.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич! – радушно улыбаясь, вышла навстречу дорогому гостю из-за стойки администратор.

– Добрый вечер, Елена Ивановна, – поприветствовал, не окрасив голос эмоциями, он. – Мой номер свободен?

– Да! Так удачно, именно сегодня освободился! – обрадовалась Елена Ивановна и спросила любезно-уважительно: – Воды?

Здесь знали все его вкусы и пожелания – утренние, обеденные, вечерние, ночные. Что может понадобиться Власову, если он устал и не в духе, что предпочтет, принимая гостей, какую машину ему надо заказывать и с каким водителем, если он не на своей. Как выглаживать его рубашки и какой горячести кофе подавать на завтрак.

Однажды у него разболелась голова после трудных переговоров, и среди ночи он почему-то не стал звонить, а сам спустился вниз, взять таблетку у портье. Дежурила в ту ночь молоденькая, незнакомая Власову девчушка; увидев его, разволновалась ужасно, засуетилась, все извинялась и, совсем с перепугу растерявшись, достала какую-то папку и быстро стала перелистывать страницы в поиске нужной информа-

ции.

Власов перегнулся через стойку, забрал у нее из рук папочку и слегка прибалдел, обнаружив, что держит в руках досье на себя самого.

– Вы что, собираете досье на клиентов? – грозно, но в меру спросил он.

– А как же! – закивала от усердия девчушка. – На постоянных клиентов обязательно!

– И с какой целью? – хмурил недовольно брови Власов, перелистывая страницы из папки.

– Чтобы обеспечить максимальный комфорт и удобство во время их проживания! – оттараторила заученный урок девчушка.

– И какую информацию вы там сейчас искали?

– Нет ли у вас аллергии на какие-нибудь медикаменты!

– А что, здесь и про это есть? – понемногу начал веселиться Игорь.

– А как же! – повторила, видимо, любимую фразу девчушка. – А вдруг вы заболете или еще чего!

– Действительно, или еще чего, – хмыкнул Власов.

Наткнулся на запись: «Сексуальные нужды и предпочтения: устойчивая гетеросексуальная ориентация. Девочек и иные интимные услуги не предлагать!» Последняя фраза была дважды подчеркнута красным.

«Интересно, – подумал Власов, – а имена и координаты женщин, которых я приводил, они записывали?»

У него даже голова прошла, так он развеселился. Пролистал досье, в которое старательно занесли информацию о его бытовых, житейских привычках и предпочтениях по пунктам и подпунктам. Имелся там и пункт о здоровье, разбитый на подпункты: хронические болезни, лечащий врач, аллергии и кому сообщать в экстренных случаях. Напротив всех подпунктов стояла запись «нет», кроме последнего, там карандашом знак вопроса.

Власов отдал девуленьке досье и, ткнув пальцем в этот карандашный вопрос, продиктовал номер Кондратьева. Ну а к кому еще обращаться в экстренных-то случаях, как не к начальнику областного МЧС?

Таблетку не взял и ушел спать.

Воду, про которую сейчас спросила Елена Ивановна, – холодную, без газа, с долькой лимона – в большом стакане ему доставляли в номер по умолчанию вечером. Он и не замечал уже, принимая как должное, делал пару глотков, ставил в холодильник, а выпивал утром, как только просыпался.

Нет, все-таки сервис высокого уровня и достойное внимание к постояльцам, пусть даже в рамках «Любой каприз за ваши большие деньги», – это прекрасно!

– Воду, – подтвердил ожидания администратора Власов. – А кто сегодня из поваров?

– Константин Михайлович, – улыбнулась Елена Ивановна в ту же обойму известных пристрастий любимого постояльца.

Поздние сумерки притушили, размазали четкие контуры деревьев, от реки тянуло легким освежающим ветерком, снимающим раскаленность дневного жара. Вдалеке по набережной прогуливались люди. Сюда, на балкон, где за столиком расположился Власов, доносились музыка, смех, гул большого города, успокаивая своей обыденностью, постоянством незримого присутствия.

Войдя в номер, Игорь сразу прошел на балкон, сел в большое удобное плетеное кресло и понял, что именно этого момента подсознательно ждал, отъезжая от больницы. И заказ, который доставил официант, попросил сервировать здесь же, на балконе, на удобном небольшом столике.

Выпив первую рюмку ледяной тягучей водки, опустившейся внутрь, как подарок божий, закусив настоящим соленым бочковым хрустящим огурчиком, Власов пожалел, что не курит.

Делать какие бы то ни было движения не хотелось, да и не могло уже, если честно, поэтому он взял сотовый и позвонил администратору напрямую:

– Елена Ивановна, у меня просьба. Мне нужна пачка сигарет. – Он назвал марку и добавил: – Да, и еще: пусть откроют дверь вашим ключом.

– Конечно, Игорь Николаевич!

Она пришла сама, выказав особую уважку, и принесла ему на балкон не только сигареты, но и зажигалку с пепельницей, помялась, хотела, видимо, что-то спросить, но, при-

смотревшись к выражению его лица, передумала, пожелала приятного отдыха и ушла.

Хорошо, что не спросила, мог бы сейчас послать влежку!

Власов поел ушицы, тройной, настоящей, густой, пока совсем не остыла, и под ущицу выпил вторую рюмку и закурил.

Тогда он тоже что-то ел с большим удовольствием и почтением к еде. Тогда, когда увидел Дарью Васнецову во второй раз.

Выдался очень теплый, почти жаркий весенний день. Промотавшись полдня по Москве, проведя две продуктивные деловые встречи, решив положительно с чиновниками давно зависший вопрос, Игорь собрался пообедать в одном из ресторанов Макса, о чем и сообщил другу-ресторатору по телефону.

– Ты давай располагайся, обедай, позвоню, чтобы тебя облобызали. А я чуть позже подъеду, – отозвался на призыв встретиться Скоков.

Столик Власов выбрал на открытой веранде, собственно, и приехал именно в этот ресторан, чтобы посидеть на воздухе, подальше от центра и суеты Москвы.

Веранда выходила на небольшой участок, обнесенный забором, вдоль которого высадили деревья, создававшие ощущение уютной загородности. По распоряжению Макса участок засеяли травой, проложили дорожки, оснастили освещением грамотным и установили три легкие беседки с от-

дельными столиками, рассчитанные на небольшие компании. Получилось весьма симпатично, забор и деревья как бы дробили, отсекали навязчивый шум города.

Власов напрямик направлялся через зал на веранду, но метрдотель поспешил предостеречь от такого выбора:

– Игорь Николаевич, там у нас в беседках сегодня отмечают детский день рождения. Дети, шум, гам, и у них большая развлекательная программа с играми и всякими соревнованиями.

Власов приостановил движение, прикинул, насколько монтируется его настроение с детским весельем, и решил – ничего, терпит, если начнет раздражаться, переберется в зал.

Поначалу Игорь сосредоточился исключительно на обеде, поняв, что всерьез проголодался, и особо не обращал внимания на шумный, гомонящий детский корпоратив. Но, утолив первый, самый неприятный голод, перейдя к безалкогольному окончанию обеда, расслабился, откинувшись на спинку стула, положил руку на перила балюстрады и обратил свой взор на лужайку.

Детей оказалось много, штук десять, может, и больше, почему-то он их посчитал именно так: штуками, даже улыбнулся этой мысли, взрослых же на этот отряд приходилось человек семь. Детишки, лет пяти-семи, не больше, раздухарились весельем не на шутку – визжали, смеялись, прыгали, хлопали в ладоши. В данный момент участвовали в какой-то соревновательной игре и очень старались.

Антураж праздника соответствовал – разноцветные надувные шары, поздравительные смешные плакаты, мягкие зверушки, большие бумажные цветы, воткнутые в землю. И трое взрослых в костюмах Зайца, Бабочки, почему-то розовой Белки.

Всем этим шапито умело, ненавязчиво, но строго руководила одна девушка.

Власов почувствовал легкую досаду, что никак не может ее рассмотреть, – занимаясь детьми, она постоянно находилась к нему спиной. А он, дивясь самому себе, понял, что как-то сильно заинтересовался этой барышней. Странно для него, особенно если учесть сегодняшнюю «затейливую» ночь, проведенную с Галей, и то, что незнакомку он лицезреет исключительно с тыла, любясь бесспорно привлекательной его мягкой составляющей и ножками.

– Что, призадумался о потомстве? – отвлек его от увлекательного созерцания Макс.

Власов встал, вышел навстречу из-за стола, они пожали руки, приобнялись, похлопав друг друга по плечу – ритуальное приветствие близких друзей мужского пола.

– Привет! – искренне порадовался встрече Власов.

– Поел? – спросил Макс и пожаловался: – А я голодный. – И он быстренько начал диктовать заказ официанту, сопровождавшему его прибытие, прервался и спросил Игоря: – Махнем?

– За рулем, – покачал головой Власов.

– Ребята отвезут. И тебя, и меня, и Федьку – он сейчас подъедет.

– Тогда всенепременно, – согласился Власов.

Макс вернулся к обсуждению заказа, а Игорь посмотрел на поляну, отыскивая глазами девушку.

И тут она обернулась. А у него чихнуло сердце и жаром дохнуло в солнечное сплетение.

Даша! Та самая Дарья Васнецова!

В легком шелковом платье с широкой юбкой чуть ниже колен, с короткими рукавами, свободном сверху и облегающем в талии. Волосы распущены и подхвачены двумя заколками с боков.

У него горло перехватило, до того она показалась ему хороша и необыкновенна! И это платье светло-серых и насыщенно-голубых оттенков делало ее глаза еще более загадочными и яркими.

Она присела на корточки, утешая какого-то мальчугана, проигравшего, видимо, в соревнованиях, что-то ему сказала, вручила утешительный приз, вытерла слезы, и пацан, позавыв плакать, вприпрыжку побежал в беседку, где детей уже рассаживали по местам взрослые.

– Эй, Дагестан! – позвал его Макс. – Неужели о детях задумался?

– Нет, не о них, – усмехнулся Власов и быстро поднялся со своего места. – Я сейчас.

Она стояла на верхней ступеньке беседки и контролиро-

вала ситуацию за столом с этой удобной позиции. И снова спиной к нему.

– Здравствуйте, Даша Васнецова, – поздоровался Власов.

Девушка резко развернулась, и в голубых глазах быстро замелькали мысли-выражения: узнавание, удивление – радость – хлоп! Что-то она там вспомнила – и легкое сожаление-разочарование. И тут же спряталась за приветливую отстраненность.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич, – сказала с легкой, ничего не значащей дежурной улыбкой.

Вариантов ее любезной холодности могло быть до фига, он уже прикинул в уме как минимум три из них.

– Вы запомнили, как меня зовут, – усмехнулся Власов этой ее осторожной вежливости.

– Запомнила, – ровным тоном подтвердила она.

– Юлия не моя любовница, она дочь моего хорошего знакомого, если вас это беспокоит, – продолжая улыбаться, сообщил ровным тоном он.

А она, посмотрев на него пару мгновений, вдруг весело и очень звонко рассмеялась. У нее был потрясающий смех – насыщенный, искренний, с легкой хрипотцой, заразительный.

– Беспокоило, Игорь Николаевич, – смеясь, призналась она, – я совершенно не знала, как с вами разговаривать!

– Поэтому и сбежали?

– Нет. Действительно очень устала в тот день, да и Катька

не приехала. – Она улыбнулась, озорно сверкнув глазами. – И, да, наверное, сбежала, представила, что надо еще говорить о чем-то и после спектакля, возможно, столкнуться, – и в туман, в туман, под хорошим предлогом!

К Дарье подбежала симпатичная девчушка с большим бантом, прикрепленным на распущенных черных кудрях, в праздничном платье, уже изрядно перемазанном.

– Это кто? – спросила требовательно и добавила: – Здрасте!

– Это Игорь Николаевич, – представила Дарья.

– Непосерженный начальник? – с серьезным выражением личика выясняла девчушка.

– Нет, Лиза, не непосредственный начальник, – рассмеялась Дарья и пояснила Власову: – Когда она не может выговорить трудные слова, придумывает им замену. Слово «непосредственный» нам пока не дается. Это моя племянница Елизавета, собственно, виновница сего карнавала, у нас день рождения, пять лет!

– Я не виновница! – возмутилось дитя и растолковало тете: – Ты что, Даша, виновница – это которая в тюрьме! А я девочка Лиза, у меня сегодня день рождения!

– Ну вот, как-то так у нас, Игорь Николаевич, – весело блеснула глазами Дарья, – живо, непосредственно, с огоньком!

– Еще ничего не жгли! – оживилась необычайно возможной перспективой девочка Лиза.

– Даша! – подлетела к ним и вцепилась двумя руками в Дашу какая-то женщина. – У нас катастрофа! – И, обратив внимание на Власова, быстро протараторила: – Здравствуй-те! Извините! Сережа Мельников опрокинул на себя графин с компотом!

Девочку Лизу как ветром сдуло к более интересным делам, чем какой-то знакомый Даши, тем более если он не «непосерженный» начальник.

– Извините, Игорь Николаевич, кажется, у нас началась мокрая вечеринка! – увлекаемая настойчиво женщиной, уходила от него Даша Васнецова.

– Подождите, Дарья! – придержал ее за руку Власов. – Давайте завтра встретимся!

– Увы, завтра мы уезжаем!

– Скажите номер вашего телефона! – настойчиво распорядился Власов.

– Даша! – нетерпеливо дергала ее за руку дама перепуганная. – Смотри, что тут творится! Они уже все обливаются!

Даша посмотрела на начавшийся детский беспредел веселья, быстро повернула голову к Власову и на ходу, уже следуя за тянущей рукой в беседку, прокричала:

– У администратора есть мой номер!

Власов развернулся и направился назад, на веранду, откуда на него с нескрываемым любопытством смотрели два его близких друга – Макс и Федор, они же Скок и Багор.

Игорь с Федькой поздоровались – рукопожатие, полуобъ-

ятие, похлопывание по плечам. Расселись.

Пока он разговаривал с Дашей, официанты уж накрыли щедрый и хлебосольный стол, ожидалось только горячее для Федьки и Макса.

– Симпатичная у тебя знакомая! – зашел чуть наискосок Макс.

– Новая пассия? – дополнил Федька.

Власов усмехнулся, посмотрел на беседку, где мелькала фигурка Дарьи, ликвидируя последствия опрокинутого графина с компотом, посмотрел на мужиков, выказывающих острое любопытство, и сообщил:

– Она будет моей женой.

Пауза. Немая сцена. Потрясение на лицах друзей.

– Тогда чего сидим? – возмутился Багор. – Наливай!

Власов усмехнулся воспоминаниям. Они тогда с мужиками добротнo так приняли, не критично и без перебора, но хорошо!

Не виделись давно, из-за его редких посещений столицы и их бесконечных дел, да и многое требовало обсуждений-решений.

Ну и, само собой, кто ж его живым отпустит после такого исторического заявления, можно сказать – революционного!

Он рассказал им про встречу в театре и озарении, обозначившем будущий статус Дарьи Васнецовой в его жизни. Мужики недоверчиво качали головой, поражались, подсме-

ивались и поднимали тост за будущее «окольцевание» друга родного.

Макс, который уж третий раз был женат и имел двоих детей от предыдущих браков, настаивал, что все это хрень и такого не бывает.

– Просто захотелось тебе, Дагестан, девочку сильно и сразу, вот и напридумывал оснований, чтобы затащить в постель! На ней же крупными буквами написано, что такую на одноразовую койку не раскрутишь!

– Захотелось, не спорю! Но меня сначала по голове шибануло: «Будет моей женой!» – а потом уж и «захотелось!» – настаивал Игорь.

– Да ладно! – отмахивался Макс недоверчиво.

– Не скажи, Скок, – вступил в полемику Федька. – Я вот, когда свою Дианку увидел, сразу подумал: «Моя будет, никому не отдам!»

– Да ты со своей Дианкой полгода из кровати не вылезали, все дела завалил! И, только обнаружив, что вот-вот родителями станете, тогда и поженились! – возмущался Макс.

– Ну и что! – не уступал Федька. – Я же все равно знал, что на ней женюсь!

Кстати, Федька со своей Дианой прожили вместе уже пятнадцать лет и имели трех дочерей и младшего, долгожданного, как Федька говорит. «долгоделаемого» сына.

Власов почесал руку и понял, что его на этом балкончике

с аппетитом заедают комары – темно, ночь спустилась, а он, погрузившись в прошлое, и не заметил.

Срочно предприняв стратегическое отступление, он перенес в комнату на стол закуску, оттаявшую, немного початую тремя рюмочками бутылку водки, закрыл балконную дверь, включил кондиционер и прислушался к своим ощущениям.

Спать не то что не хотелось, не звучало и вполнамека. Ладно, продолжим, раз такие расклады организм выбирает.

Настойчиво зазвонил сотовый, Власов автоматически посмотрел на часы – без четверти двенадцать.

– Дагестан, ты где пропал? Я тебе весь день наярываю, только гудки слушаю!

– Привет, Скок. – Он опустился в кресло у столика, налил себе полрюмки и только тогда ответил: – Дашка попала в аварию.

– Так! – осмысливал Макс информацию. – Жива?

– Да. Но состояние очень тяжелое. – И выпил одним махом.

– Где это произошло? – деловым тоном выяснял обстоятельства Макс.

– У моего хозяйства.

– У тебя была?

– Не совсем. В детском лагере, по работе. И у меня. Это длинная история.

– Где она сейчас?

– В областной клинике.

– Ты в гостинице?

– Да.

– Сейчас приеду!

– Куда? Из Москвы?

– Да какая на х... разница! – возмутился Макс. – Часа за три доберусь при хорошей дороге.

– Не надо, Скок, – перегоревшим голосом отказался Власов и потер веки. – До завтрашнего вечера ее будут держать без сознания, а там...

Он налил себе еще полрюмки, посмотрел на бутылку в руке, мимолетно подумал, что надо бы ее в морозилку засунуть, и поставил на стол.

– Понятно, – резюмировал Макс. – Ты как?

– Нормально, – вдруг охрипшим голосом уверил Власов.

– Держись, Дагестан! – подбодрил Макс. – Ладно. Все. Позвоню.

– Бывай, – попрощался Власов.

Нажал отбой и услышал оглушающую тишину.

Хреново.

Может, ну на фиг, рвануть домой, загрузить себя убойно делами до завтрашнего вечера и вернуться?

М-да!

Он отнес бутылку в холодильник, лег поверх покрывала не раздеваясь, за что уставшее физически и морально тело поблагодарило ломотой в мышцах, прикрыл согнутой в локте рукой глаза. Давно надо было полежать, спина вон дере-

вянная, и ноги-руки гудят, как провода под током высокого напряжения.

Телефон тогда у администратора ресторана он взял, разумеется. И позвонил ей через пару дней, но номер оказался заблокирован, а абонент Власову категорически недоступен.

Так. Сказала, что уезжает, наверняка за границу, а там, понятно, другим номером пользуется. Но вернется же!

Подождем! Это вам только кажется, абонент телефонной сети Дарья Васнецова, что вы недоступны господину Власову. На сей раз он ничего на волю и самотек судьбы не отпустит!

Чтобы в Москве встретиться случайно второй раз, да при условии, что он в столицу наезжает хорошо если раз в месяц! Это вообще нереально, то есть абсолютно! Значит, будет его женой!

И нефиг на Бога уповать – шанс Он ему уже дал, даже дважды.

Третьего не будет, если не воспользовался, профукал, не захотел или не заметил. Это господину Власову было доподлинно известно как «Отче наш», ему и второго-то никогда не выпадало. Спасибо за интуицию и мозги, что первого шанса ни разу не прощелкивал!

Он, разумеется, мог разузнать о ней подробности за полчаса, вплоть до ее заграничного номера телефона, но решил, что прибегнет к этим мерам в крайнем случае. И он набирал

и набирал ее номер каждый день, иногда по два раза, когда сильно уставал, испытывая теплую, успокаивающую радость, осознавая, что набирает ее номер. Странно и ну вот никак не свойственно ему.

Наверное, где-то через неделю, осатанев от разругивания очередной проблемы, с жестким разбором полетов, срочной ликвидацией последствий, наказанием виновных, выжатый как лимон на барбекю, остывая понемногу, он вернулся домой, прошел в кабинет, рухнул в кресло, достал телефон и набрал ее номер – успокоиться.

И неожиданно вместо ставшего уже привычным автоматического голоса, оповещающего о блокировке номера, услышал длинные гудки. Он даже не врубился сразу, убрал трубку от уха, посмотрел на экран – вызов шел!

И только снова приложил трубку к уху, как услышал удивленный голос Дарьи Васнецовой:

– Да!

Власов резко сел в кресле, от усердия даже повернул голову вбок, в сторону телефона, в котором услышал ее голос.

– Здравствуйте, Даша! – полувопросительно поздоровался он.

Она недолго помолчала, видимо пытаясь сообразить, с кем разговаривает.

– Здравствуйте, конечно, но, простите, кто это?

– Игорь Николаевич, – представился он.

Юлька абсолютно права – у нее такой способ мышления,

она думает юмором. Даже, казалось бы, простую фразу умудрилась чуть приперчить сарказмом.

– Ничего себе! – поразилась девушка. – Знаете, вы совершенно случайно мне дозвонились! Я всего на пару секунд поменяла симку, чтобы найти номер, который не записан в самом телефоне!

Ну, про случай Власову все гораздо лучше и подробнее известно, чем ей.

– Даша, вы еще на отдыхе?

– Да уж, на нем! – веселым голосом сообщила она.

– И где вы отдыхаете?

– В Италии. В такой симпатии-и-ишной стране!

– И как долго вы еще будете в этой симпатишной стране?

– Долго, Игорь Николаевич, – пожаловалась она. – Отдыхаем мы, как все русские люди, хорошо, только устаем очень!

Он легко рассмеялся. И тут же, влет, еще не осознав до конца, что творит, принял решение:

– Знаете, Даша, у меня как раз намечается командировка в Италию, я думаю, мы можем с вами там встретиться.

– Игорь Николаевич, – звонко рассмеялась Даша. – Я вам нравлюсь и вы за мной ухаживаете? Или у вас более простые интересы?

– Интересы у меня разные, Дарья, в основном сложно-составные, – усмехнулся он ее прямолинейности. – И да, вы мне нравитесь, а вот поухаживать за вами пока не удастся: все-то вы куда-то убегаете! Вот встретимся, и я наверстаю

упущенное.

– Не пугайте девушку масштабностью заявки! – звенела веселым голосом она. – Записывайте номер моего итальянского телефона, и я объясню вам, где мы живем!

Он записал. И они почему-то быстро и как-то скомканно попрощались.

Блин! Какая Италия?! У него сейчас самая запарка – день за месяц идет! На пару дней уехать проблематично, потом до ишачьей пасхи не разгребешь!

Да ладно, разберемся! Заодно даст проявить себя заместителю и помощникам, трендюлей заранее навставляет, пригрозит репрессивными мерами и помашет поощрительными призами – обойдется!

И быстро, чтобы не передумать и отсечь пути отступления, он набрал номер Федьки, у которого имелась, помимо прочего бизнеса, серьезная турфирма.

– Какая Италия? – поразился Федька. – У тебя там страда в разгаре! Тебя ж в Москву не вытащить!

– Какая страда, Багор? До основной страды еще с месяц! Ты вообще в теме сельскохозяйственных будней?

– А на хрена мне? У нас для этого ты есть! – рассмеялся Федька. – Тебя чего в Италию-то потащило, собираешься оливковые рощи в среднерусской полосе высаживать?

– Нет, собираюсь навестить Дарью Васнецову.

– О как! – выказал восхищение Федька. – Хорошее дело, и, главное, как романтично: в Италии! – с нажимом на по-

следнем слове подколот друга Багор.

– Вот именно, – хмыкнул Власов. – Так что давай распорядись, чтоб твои девушки подобрали мне хорошую гостиницу дня на три. Сейчас, погоди.

И он прочитал название местечка, которое продиктовала ему Даша.

– А хорошо твоя Дарья Васнецова отдыхает! – похвалил Федька. – В богатом месте! Итальянская Ривьера, природа, море, в основном частные виллы – красотища офигенная!

Власов позвонил ей только после того, как разместился в гостинице, принял душ, легко перекусил в уютном летнем кафе у моря и смаковал, отпивая маленькими глоточками, совершенно потрясающий вкуснейший кофе. Вот тогда и позвонил.

– Пронто! – ответила она, почему-то по-итальянски.

– Здравствуйте, Даша, – поздоровался он, добавив бархатности тона.

Ему не ответили. Может, номер неправильно набрал? Нет, голос точно ее, он узнал. Власов позвал, чуть повысив голос:

– Даша?

– Здравствуйте, Игорь Николаевич, – отозвалась она, но почему-то не в трубке, а у него за спиной.

А перед ним возникла маленькая девчушка в пестрой маечке, шортиках в тон, с закрученным на макушке густым пучком волос, с большой книжкой, которую прижимала локтем к боку. И, радостно улыбаясь, хлопнула его ладошкой по

ноге и заявила:

– Я вас помню! Вы не начальник! – И в подтверждение сделанного заявления помотала головой.

Так! Девочка Лиза. Племянница. Он помнил.

– Я думаю, Лиза, – вышла из-за его спины и подошла к племяннице Даша Васнецова, – Игорь Николаевич таки начальник.

– Но ты же говорила, что он не твой начальник! – положив книжку на стол и забираясь на соседний стул, выясняла девочка Лиза.

– Но чей-то он начальник точно, – уверила ее Даша.

Власов встал, выказывая уважение. Он успел оправиться от неожиданности, пока Лиза болтала, и рассмотреть Дарью успел, и запах ее почувствовать, так близко она стояла, и ощутить жар и желание в положенном месте, обдавшие горячей волной.

– Здравствуйте, Дарья, – повторил он с улыбкой.

– Еще раз! – озарила ответной улыбкой она, показав открытый телефон в руке.

Захлопнула крышку телефона, сунула солнцезащитные очки на шляпку, скрывающую ее волосы, и села на стул за столик. К ним уже спешил официант обслужить новоприбывших клиентов. Власов опустил на свое место, собираясь отослать официанта на время, пока они обсудят с дамами их кулинарные предпочтения данного времени суток.

Но вынужден был второй раз за последние несколько ми-

нут справляться с удивлением. Обе барышни одновременно заговорили с официантом по-итальянски, с взаимными улыбками приветствия, жестами, как с хорошим знакомым человеком.

Лиза на чем-то недовольно настаивала, Даша не разрешала, а Власов ни черта не понимал и по-тихому заводился раздражением.

Она, наверное, его чувствовала и, отвернувшись от официанта, быстро пояснила:

– Лизка требует положить больше орехов, а ей нельзя.

– У меня здесь нет аллергии! – возмущалось дитя.

– Ну да! – кивнула Даша. – А ты по ней соскучилась и хочешь, чтобы она скорее вернулась!

– Даша! – требовал ребенок.

А Дарья огласила постановление:

– Вариантов два, но оба веселые! Либо как обычно, либо вообще без десерта.

Девочка Лиза задумалась, осмысливая предложенную альтернативу, а Дашка незаметно для нее кивнула официанту, утверждая вариант первый: «как обычно».

Власов хмыкнул. Закипавшее было раздражение смыло, как родниковой водицей, передавшейся ему Дарьиной жизнерадостностью.

– Почему это, Дашенька, без десерта – это весело? – выдала продукт своих размышлений в виде вопроса Лиза.

– Потому что появляется возможность заменить его чем-

то другим! – пояснила ей тетя.

Девочка Лиза наморщила лоб и погрузилась в трудное осмысление такой перспективы.

Да уж, выбор не из легких.

– Мы обычно в это время гуляем и заканчиваем прогулку в этом кафе, здесь делают специально для Лизы очень вкусный десерт, – рассказывала Дарья Власову, пока ребенок принимал решение.

– Тогда как обычно! – звонко провозгласила Лиза.

– Обычно уже пришло! – сопровождала Дарья появление официанта, поставившего перед Лизой предмет спора.

Лиза соскочила со стула, дождалась, когда официант установит сверху сиденья маленькую скамеечку и поможет ей сесть. Отодвинула по столу подальше какую-то совершенно необыкновенную книжку, чтобы не испачкать, придвинула к себе вазочку с красотой десертной, взяла ложку, вздохнула тяжело и принялась за дело.

– Можно посмотреть твою книжку? – спросил у нее Власов, заинтересовавшись.

Не отрываясь от основного процесса, Лиза кивнула.

– Детские книги входят в сферу ваших интересов? – приподняла вопросительно брови Даша.

– Последнее время да. – Он не спешил раскрывать книжку, изучая обложку. – Сыну моего близкого друга через месяц исполнится три года. У них с женой три замечательные дочки, а сынишка младший, долгожданный, мой крестник.

Я все голову ломаю, что подарить не банальное, не избитое, уж точно не машинку игрушечную...

Он замолчал, не закончив фразы, открыв первую страницу.

Рассматривая обложку, Игорь поразился – яркий, красочный рисунок с загадочным замком, диковинными зверями, нестандартный, совершенно очевидно, не полиграфическая штамповка. Ручной переплет, очень тонкий ламинат, но когда развернул...

Перед ним раскрылся объемный раскладной замок, столь тонко, филигранно выделанный, с башенками, флюгерочками, фигурками людей внутри, деревянными мостиками и переходами, с такими же объемными деревьями, кустами, блестящей речкой, животными вокруг замка. Мало того, вся эта красота раскрывалась до 3D формата, для этого надо было потянуть и расправить спрятанные кое-где части картинки – где-то за небольшую цепочку и вытягивался, распрямлялся мост через речку, – где-то расправить крону дерева.

– Потрясающе! – воскликнул Власов. – Ручная эксклюзивная работа! Никогда не видел ничего подобного! Просто фантастика!

Он перевернул страницу, фокус с объемной картинкой повторился, только теперь это были фигурки короля с королевой и принца, стоявшего рядом с конем, сделанные столь тонко и подробно, – в настоящих, сшитых из великолепных тканей одеждах даже посверкивали «драгоценности»,

надетые на них, с множеством мелких деталей; выражение лиц прорисовано настолько искусно, что становилось очевидным, что это сцена прощания, и без пояснительного текста. А шкура лошади была по-настоящему шелковистой, как живая, и повторялся тот же прием с раскрытием дополнительных, замаскированных деталей, делавших картинку абсолютно объемной.

Можно себе представить, как интересно детишкам не только рассматривать и читать это чудо, но и находить эти «закладки» и расправлять их.

– Господи, где вы нашли такую красоту? Да еще на русском языке! – глубоко потрясенный искусством рисовальщика и мастера, делавшего такую красоту, спросил Игорь и поднес книжку ближе к глазам, рассматривая совсем уж мелкие детальки.

– Это моя! – на всякий случай напомнила Елизавета, ради такого заявления оторвавшись от десерта.

– Не претендую! – уверил ребенка Власов и переспросил настойчиво еще раз: – Дарья, где можно достать такой шедевр?

– Это Даша делает! – «вынырнула» вторично из десерта девочка Лиза.

– В каком смысле «делает»? – тормознул Власов.

– Ну, Даша сама делает эти книжки, – растолковала непонятливому дяде Лиза. – У меня таких... – Она по очереди пораскрывала пальчики. – Три! На две меньше, чем мне лет!

И сыграла целый мини-спектакль. Растопырила правую ладошку, аж пальчики выгнув назад, прикрыла глаза, вертела плавно головой из стороны в сторону, приподняла плечики, медленно приложила ладошку к груди, произнося по слогам, растягивая гласные:

– О-бал-ден-но красиво! – Открыла глаза и предупредила: – Но я не отдам! – И продолжила поглощать десерт.

– Даша! – не знал, что и сказать от потрясения, Власов.

А она, легкомысленно пожав плечами, как отмахнулась от незначительного факта:

– Ну, у меня такое вот хобби.

– Какое хобби, Дарья! – отверг недовольно небрежение предметом он. – Это настоящее, потрясающее произведение искусства!

Ничего подобного Власов не предполагал!

Странная, нелогичная убежденность, что она непременно будет его женой, как-то сама собой исключала необходимость изучать, прилаживать к себе девушку и ее образ: подходит – не подходит, умная – глупая, чем занимается. Все то, что сразу же включается подсознательно, когда знакомишься с женщиной, ну не знаю: влюбляешься или для начала просто заинтересовался. И приглядываешься: кто она, что собой представляет, какие интересы, чем занимается и так далее, до четкого понимания, до какой степени она тебе нужна и интересна.

Власов и так уж получил уйму неожиданностей! Только

позвонил, а она рядом, и прибалдел сразу же, как от легкого хука, не успев мысленно подготовиться: от ее легкого длинного просвечивающего сарафана, шляпки, которая ей так шла, открывая стройную шейку, сияющих под итальянским солнцем сапфирной магией глаз!

Он разговаривал, отвлекался на девочку Лизу и параллельно плавился в нетерпении, подогреваемом жаром желания.

«Господи, еще столько вальсов вокруг разводить! Вот на хрена! Поставить бы перед фактом: ты выходишь за меня замуж! И утащить к себе в номер на все четыре дня!» – думалось ему с вполне понятной тоской.

А тут еще того чище! Мы и по-итальянски, как на родном, чешем, да с племянницей на пару! И чудо-книжки делаем!

Он встретился с ее смеющимися синими глазами взглядом и почему-то тут же остыл, как в море спокойное нырнул.

«Ну а что она должна, лапти плести? – проворчал на себя Власов, вспоминая про мудрую стратегию, которой решил придерживаться. – Четыре дня в номере – это замечательно, кто бы спорил, но и вальсы вокруг неплохо! Давно ли ты, Игорь Николаевич, вальсы с дамами разводил? Марлезоны всякие? Да в прошлой жизни! А штурмом да нахрапом девушку Дарью эту не возьмешь, скорее испугаешь, ищи ее потом, лови, уговаривай!»

И включил бизнесмена, попеняв снисходительно:

– Вы хоть знаете, сколько это стоит?

– Знаю! – разулыбалась Дашка. – У меня мама искусствовед!

– Так! – изобразил недовольное потрясение Власов. – Еще и мама искусствовед! А бабушки художницы-модернистки у вас нет?

Дашка приподняла плечи и развела руки в стороны извинительным жестом:

– Вот чего нет, того нет. Модернисток не держим.

– И на том спасибо! – улыбнулся одним уголком губ Власов. – Все полегче ухаживающему мужчине.

Лизавета шумно отодвинула по столу опустевшую десертную вазочку, вытерла губы тыльной стороной ладошки и оповестила:

– Я все! Идем!

– Нам надо домой, – пояснила Даша, извлекая из сумки кошелек. – Лизе пора спать.

– Я провожу, – утвердил Власов, жестом подзывая официанта, и расплатился, проигнорировав Дашины попытки сделать это самой.

Подходя к красивой ажурной калитке, спрятавшейся в зарослях растений, увивавших весь забор, отгораживающий участок, среди крон деревьев которого виднелись верхний этаж, мансарда и крыша дома, Власов поспешил предотвратить вежливое прощание с ее стороны:

– Даша, давайте пообедаем.

– Когда?

– Сейчас.

– С удовольствием, – легко согласилась она и, понизив голос, призналась: – Катька готовит лазанью, а я ее не очень люблю.

– Значит, мне повезло больше, чем вашей Кате, – шепотом ответил он, поддерживая игру.

Он отказался от предложения зайти и дожидался ее, прохаживаясь вдоль улицы.

Она повела его вдоль моря в уютный рыбный ресторанчик на самом берегу, который сама же и порекомендовала для посещения. Проходя мимо цветочного лотка, Власов купил букет и преподнес девушке.

– Ухаживание? – спросила Дашка, принимая цветы.

– Оно самое, – кивнул он. – Идемте отведаем разрекламированные вами морские продукты.

Он не ожидал, что ему понравится до такой степени.

Привыкший к необходимости быстрых, стремительных действий, продуманной плановости, к постоянной готовности решать несколько вопросов одновременно, как правило, всегда горящих и срочных, к повышенной мере ответственности, Власов совсем забыл, а скорее и не знал вовсе, что можно вот так отдыхать! Просто отдыхать!

Отключить внутренний секундомер, забыть наконец о делах и их горячей важности и прочувствовать полностью состояние внутреннего спокойствия, несуетливости, другой размеренности времени и совсем иного его потока.

Столик, за которым они сидели, находился в нескольких метрах от плещущегося морского прибоя; блюда, которые им подавали, были выше любых похвал; холодное сухое белое вино в красивых бокалах на высоких ножках, тонкое, душистое, идеально подходящее к такому меню, и тихая беседа с красивой женщиной.

Власов первый раз в жизни в полной мере прочувствовал, что значит наслаждаться моментом!

Они обменивались впечатлениями о блюдах, которые пробовали, об итальянской кухне вообще, и Дарья рассказала историю этого городишки. Он слушал ее вполуха, смотрел на нее и вдруг неожиданно понял, что хочет на самом деле за ней ухаживать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.